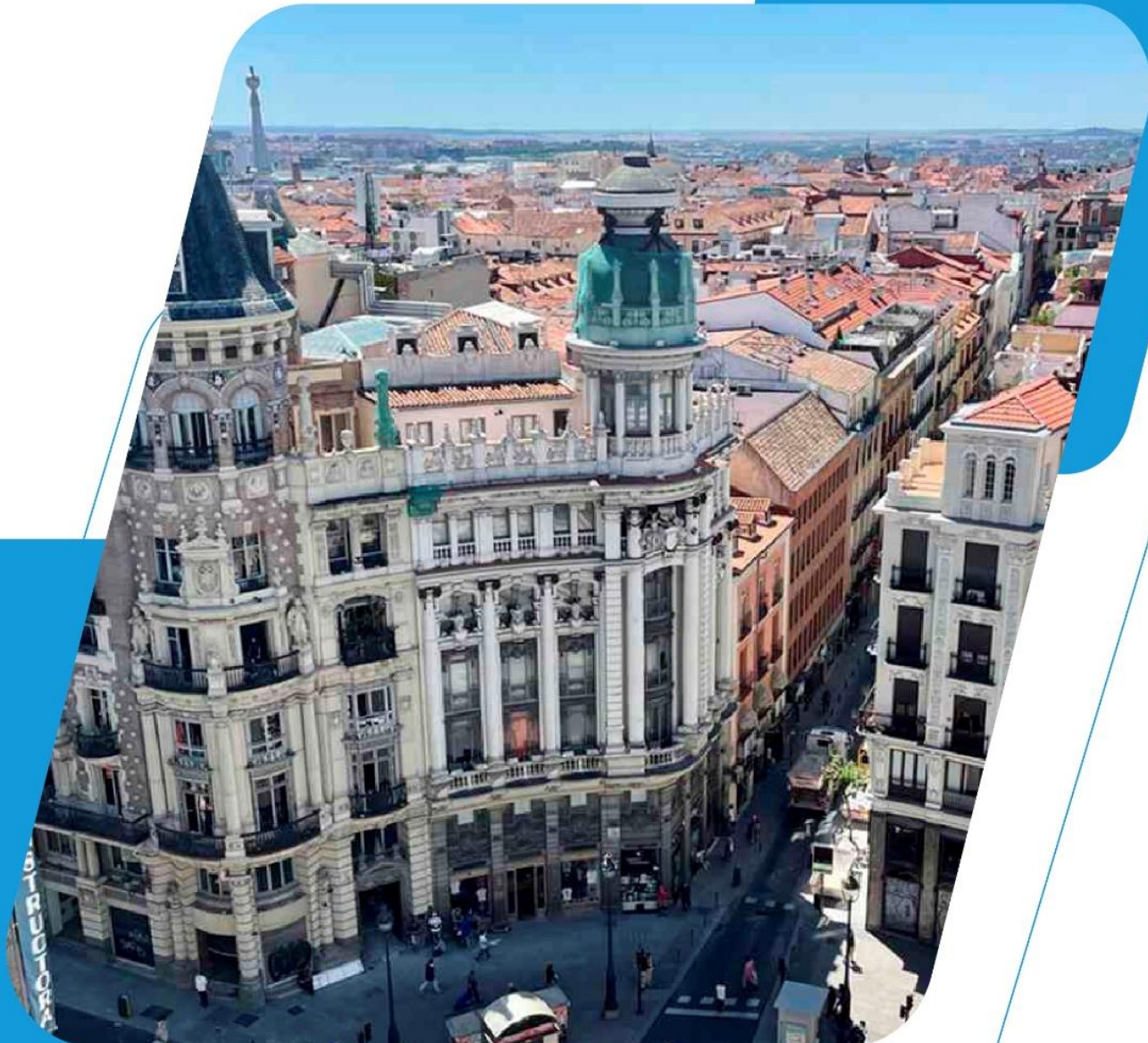

*V international scientific conference
Madrid. Spain
27-28.06.2023*

MODERN SCIENCE: THEORETICAL AND PRACTICAL VIEW

*Proceedings of the I International Scientific
and Practical Conference*

27-28 June 2023

MADRID. SPAIN

2023

UDC 001.1

BBC 1

V International Scientific and Practical Conference «Modern science: theoretical and practical view», June 27-28, 2023, Madrid. Spain. 41 p.

ISBN 978-91-65423-22-0

DOI <https://doi.org/10.5281/zenodo.8101674>

Publisher: «SC. Scientific conferences»

Main organization:

Editor: Hans Muller

Layout: Ellen Schwimmer

The conference materials are in the public domain under the CC BY-NC 4.0 International license.

The publisher is not responsible for the materials published in the collection. All materials are provided in the author's edition and express the personal position of the participant of the conference.

All materials are published in the author's edition.

The conference organizers are not responsible for the content of the materials.

The sample of the citation for publication is Yusifov E.M., Niftaliyev V.R. CLUSTER AS A MODERN INSTRUMENT FOR INCREASING COMPETITIVENESS OF THE ECONOMY // V International Scientific and Practical Conference «Modern science: theoretical and practical view», June 27-28, 2023, Madrid. Spain. Pp.8-11, URL: <https://sconferences.com>

Contact information

Website: <https://sconferences.com>

E-mail: info@sconferences.com

Content

Economic sciences

<i>Lavrenko Elena Aleksandrovna</i> REGIONAL ECONOMIC POLICY ON CLUSTER DEVELOPMENT	3
--	---

Medical sciences

<i>Auenov M.A., Abdrakhmanov S.T., Masalov A.E., Orynbasarov Sh.O., Mamykanov R.T., Smailov N.S., Amanov M.Sh., Sherstobitov I.N., Smagulov A.T., Matytsin A.V., Adilbaeva A.K., Aimagambetov M.Zh., Omarov N.B.</i> COMBINED INJURIES AND THE STRUCTURE OF ORGAN DAMAGE STATISTICS	7
--	---

Pedagogical sciences

<i>Khudiyeva Farida Tofiq</i> THE DEVELOPMENT OF INCLUSIVE EDUCATION IS ONE OF THE MAIN PRIORITIES OF EDUCATION POLICY	9
---	---

Philological sciences

<i>Faizova Feruza Shakirovna</i> LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF STUDY OF OFFICIAL AND BUSINESS DISCOURSE ON THE MATERIAL WRITTEN MONUMENTS OF THE 17th CENTURY	12
<i>Zholdoshibekova Makhabat Kanatbekovna</i> FEATURES OF ADJECTIVE CHARACTERISTICS OF HUMAN INTELLECTUAL ABILITIES	16

Psychological sciences

<i>Ilahe Hajiyeva</i> EARLY MARRIAGE AND ITS CONSEQUENCES (SYSTEMATIC REVIEW)	19
--	----

Sociological sciences

<i>Selami Yıldırım</i> A RESEARCH ON THE LEADERSHIP DIMENSIONS OF MEDICAL ADMINISTRATORS	21
---	----

Technical sciences

<i>Musabayeva Alfiya, Kuandyk Sakanov</i> ANALYSIS OF THE STRENGTH OF SUPPORTED SECTIONS OF HOLLOW SLABS: METHODS TO ENHANCE STRUCTURAL RELIABILITY	31
<i>T.G. Mirzoev, R.T. Mirzoev</i> DEVELOPMENT OF RESOURCE SAVING TECHNOLOGY TO IMPROVE QUALITY PROPERTIES OF COSTUME PARTS	35

Economic sciences

REGIONAL ECONOMIC POLICY ON CLUSTER DEVELOPMENT

Lavrenko Elena Aleksandrovna
 ccandidate of eeconomic sciences, docent
 Orenburg State University

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПО РАЗВИТИЮ КЛАСТЕРОВ

Лавренко Елена Александровна
 кандидат экономических наук, доцент
 Оренбургский государственный университет

Abstract

In the context of import substitution, the Russian economy should use the most effective and competitive tools for regional growth. One of the instruments of the economic policy of the region is a focus on the cluster approach in industries. Cluster regional economic policy is focused on concentration, cooperation, innovation in various sectors of the economy. Public authorities should legislatively and financially ensure the implementation of cluster initiatives.

Аннотация

В условиях импортозамещения российская экономика должна использовать наиболее эффективные и конкурентоспособные инструменты для роста регионов. Одним из инструментов экономической политики региона является ориентир на кластерный подход в отраслях. Кластерная региональная экономическая политика ориентирована на концентрацию, кооперацию, инновации в различных секторах экономики. Органы государственной власти должны законодательно и финансово обеспечивать реализацию кластерных инициатив.

Keywords: *cluster economic policy, cluster initiative, principles of cluster economic policy, cluster projects.*

Ключевые слова: *кластерная экономическая политика, кластерная инициатива, принципы кластерной экономической политики, кластерные проекты.*

Грамотная организация и функционирование региональной экономической кластерной политики может стать не только эффективным инструментом развития территорий любого уровня, но и основой для долгосрочного суверенитета всей российской экономики [1].

Кластерную региональную экономическую политику в своих исследованиях использовали ряд авторов, таких как: Самаруха В.И., Фонов А. Г., Бергаль О. Е., Бажанов В.А., Грошев А.Р., Пелихов Н.В., Пермьяков П.Ю., Казеева О.Г., Сокольская Т.И., Румянцева Ю.В., Сухина Ю.В. и др.

Исследование в работе посвящено вопросам внедрения кластеров в региональной экономической политике, выявление ее плюсов и недостатков при формировании для органов публичной власти.

В связи с этим выявлены следующие задачи исследования:

- рассмотреть сущность, принципы кластеров для экономической региональной политики;*
- рассмотреть показатели, результат эффективности хозяйствующих субъектов – кластеров.*

Развитие и функционирование кластерных инициатив, с одной стороны, позволяет существенно повысить производительность труда на предприятиях, создает среду для развития инноваций, обмена опытом с ведущими предприятиями в других странах, привлечения высококвалифицированных кадров и, с другой стороны, позволяет скорректировать ряд проблем, вызванных «провалами государственной политики» и «провалами институтов».

Из опыта других стран, кластерная экономическая политика рассматривается, в первую очередь, как ключевой инструмент повышения конкурентоспособности регионов.

Основные принципы кластерной экономической политики развития регионов представлены рисунком 1.

Рисунок 1 - Основные принципы кластерной экономической политики развития регионов

Основной целью деятельности органов публичной власти является привлечение инвестиций на свою территорию. Для этого необходимы инструменты и механизмы финансовой обеспеченности инвесторов. Реализуя кластерную экономическую политику в каждой сфере, можно повысить потенциал развития региона, внедрить инновации и повысить инвестиционную привлекательность.

Основными выгодами для участников кластера будут являться: развитие бизнеса, поскольку происходит выход на новые рынки и новые сегменты, существенные вложения именно в производственные проекты, рост научных исследований и разработок, повышение кадрового потенциала предприятий, а также возникновение кооперации с партнерами, сервисными и образовательными организациями.

В целом, кластерная экономическая политика направлена на региональную кооперацию участников с учетом специализации региона для внедрения инноваций и трансфера технологий из научной сферы в производственную.

В то же время реализация кластерной стратегии должна основываться на оценке инвестиционного потенциала территории и реальных инвестиций в рассматриваемых направлениях [3, с. 157].

Кластерная инициатива – совместный проект представителей местных властей, бизнеса и науки по созданию и дальнейшему развитию кластера на данной территории.

Кластерные проекты обычно преследуют три взаимосвязанные стратегические цели:

1) укрупнение размеров кластера – наращивание числа новых участников, вовлекаемых в сетевые взаимодействия;

2) усиление интернационализации кластера – последовательное повышение уровня его значимости в данной сфере специализации от масштабов местной экономики до масштабов мировой (с перспективой получения статуса «кластера мирового класса»);

3) наращивание конкурентоспособности кластера – путем непрерывного улучшения экономической среды в кластере, развития коллаборации в формате тройной спирали (для усиления сетевых инновационных эффектов), встраивания фирм кластера в глобальные цепочки.

Органам публичной власти при формировании кластерной экономической политики региона следует использовать следующие правила:

– всячески усиливать конкурентоспособность кластеров и их вовлеченность в глобальные цепочки разного профиля;

– поддерживать кластерные инициативы, позволяющие регионам найти и освоить свою умную специализацию;

– развивать межкластерную кооперацию для образования новых секторов и территорий инновационного развития;

– развивать трансграничные межкластерные связи под новые трансрегиональные и транснациональные цепочки;

– распространять модель кластерных организаций (механизмы самоуправления) на масштабы всего региона.

Основы кластерной политики были заложены в 2008 г. в Концепции долгосрочного социально-экономического развития до 2020 г. Согласно концепции основным направлением перехода к инновационному социально-ориентированному типу экономического развития должны стать территориально-производственные кластеры. Также были утверждены Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах РФ.

Под кластерной экономической политикой региона понимается - деятельность органов публичной власти, направленная на решение задач повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности региона посредством реализации системы мероприятий по содействию развитию кластеров и их эффективное использование.

Согласно данным Ассоциации кластеров и технопарков в нашей стране, «в реестр промышленных кластеров Минпромторга России включено 44 промышленных кластера из 33 субъектов РФ. В состав участников данных промышленных кластеров входит более 600 промышленных организаций (в том числе такие технологические лидеры, такие как Группа «ГАЗ», АО «Арнест», АО «Улан-Удэнский авиационный завод», АО «Монокристалл» и др.), имеющих плотную производственную кооперацию [4, с. 195].

В кластерной региональной экономической политике должны быть прописаны показатели эффективности хозяйствующих субъектов – кластеров.

За формирование и реализацию кластерной экономической политики в регионе должен отвечать специально созданный орган – Центр кластерного развития региона.

Комплексную оценку эффективности деятельности кластера необходимо проводить с использованием сбалансированной системы показателей, которая должна включать четыре основные подсистемы: финансовую, социально-экономическую, организационную и инновационную [2, с. 120].

Основные показатели, результаты подсистем развития кластеров представлены таблицей 1.

Таблица 1

Показатели, результаты подсистем развития кластеров

Подсистемы	Показатели, результат развития кластеров
Социально-экономическая подсистема (показатели)	<u>показатели:</u> – ВРП; – количество малых и средних предприятий в составе кластера, прирост количества субъектов малого или среднего предпринимательства - участников кластера, % в течение года; – количество созданных рабочих мест субъектами малого и среднего предпринимательства, являющихся участниками территориальных кластеров; – объем реализованных товаров (работ, услуг) субъектами малого и среднего предпринимательства, являющимися участниками территориальных кластеров и др.
Финансовая подсистема (показатели)	<u>показатели:</u> – объем инвестиций в основной капитал, осуществляемых организациями, находящимися на территории региона; – среднедушевые денежные доходы и пр.
Организационная подсистема	<u>результаты:</u> – создание наблюдательного совета; – создание кластера, стратегического совета развития; – формирование рабочих групп по центрам ответственности; – создание реестра совместных проектов; – создание коллективного регионального бренда и его продвижение; – разработка стратегического плана развития бизнеса; – выполнение основных мероприятий программы развития кластера; – разработка направлений интенсификации производства;

	– создание системы информирования участников кластера о мероприятиях, направленных на их поддержку, изменениях в законодательстве в области регулирования СМП и ССП, а также о новых мерах поддержки; создание страницы по деятельности кластера в социальных сетях.
Инновационная подсистема	<u>показатели:</u> – количество новых видов товаров (работ, услуг), выведенных на рынок (раздельно российский/зарубежные рынки) субъектами малого и среднего предпринимательства, являющихся участниками территориальных кластеров и пр.

Таким образом, осуществляя эффективную экономическую кластерную политику в регионах органы публичной власти повышают привлекательность и инновационность развития своей территории.

References

1 Zheukhin I. A. *botri Regionalis ut instrumentum diuturnum consilium principatus oeconomici / oeconomici regionalis et administrationis: acta scientifica electronica*. ISSN 1999-2645. — №2 (74). *Articulus numerus: 7403. Data entrata in servizio: 04/14/2023. Aditus modus: <https://eee-region.ru/article/7403/>*

2 Merzlikina G. S., Kuzmina E. V. *systema libratum indicibus aestimandis efficaciam botri actionis / / Scientifical et Technicae Bulletin de SPbPU. Scientiarum oeconomiarum*. 2018. Vol. 11, No. 5. Pp. 119-128.

3 Fadeeva T. V. *Commendatione executionem botri consilium in modern Russia / / Omsk Scientific Bulletin. Sère. Collegium. Historia. Recentioris aetatis*. 2021. Vol. 6, 2. Pp. 154-160.

4 N. V. Fadeikina, E. m. Bavykina *botrus rei publicae consilium In Russian Foederatio, implemented ut proventus innovative potentiale ad nationalis oeconomia et sustineri eius oeconomica augmentum / Siberian Financial Schola. Universitas Civica Novosibirscensis*

Medical sciences

COMBINED INJURIES AND THE STRUCTURE OF ORGAN DAMAGE STATISTICS

Auenov M.A.

*Assistant of Hospital Surgery at the National Medical University Semey,
Semey City, Kabanbay Batyr st, 42-152*

Abdrakhmanov S.T.

*Assistant of Hospital Surgery of National Medical University Semey,
Address: 141-40, Dulatova Street, Semey*

Masalov A.E.

PhD candidate, Lecturer at the Department of Hospital Surgery

Orynbasarov Sh.O.

Colonel of the Medical Service, Head of the Military Department

Mamykanov R.T.

Senior Lecturer, Deputy Head of the Military Department, Colonel of Reserve

Smailov N.S.

*Lecturer at the Military Department,
Lieutenant Colonel of Medical Service Reserve*

Amanov M.Sh.

Senior Lecturer, Head of the Military Department Cycle, Colonel (Reserve)

Sherstobitov I.N.

*Lecturer at the Military Department,
Lieutenant Colonel of Medical Service Reserve*

Smagulov A.T.

*Lecturer at the Military Department,
Lieutenant Colonel of Medical Service Reserve*

Matytsin A.V.

*Lecturer at the Military Department,
Lieutenant Colonel of Medical Service Reserve*

Adilbaeva A.K.

General Practitioner

*Scientific supervisor: D.M.Sc., Professor **Aimagambetov M.Zh.***

*Scientific consultant: MD & PhD, Acting Associate Professor **Omarov N.B.***

*Military Department, "Semey Medical University" non-commercial joint-stock company, Republic
of Kazakhstan*

Relevance: Trauma in the early 21st century is becoming an increasingly important socio-economic problem. In the mortality structure of economically developed and developing countries, trauma occupies the 3rd and 4th places after cardiovascular diseases, malignant neoplasms, diseases of the respiratory organs, and infectious diseases. Combined organ injuries, including thoracoabdominal injuries, represent the most severe type of trauma, unpredictable in terms of consequences, and accompanied by high mortality compared to injuries within a single cavity; it has been reported that patients with penetrating thoracoabdominal injuries have a 20-30% risk of other complicated injuries [1].

Among individuals of working age, trauma-related mortality ranks first in the overall mortality structure, surpassing cardiovascular and neoplastic diseases in terms of years of potential life lost, as well as the total economic and socio-medical damage inflicted on society.

Combined injuries (CI) hold a special place in the structure of trauma. In traumatological hospitals, CI accounts for only 8.4% of the total number of patients but contributes to over 60% of fatal outcomes from trauma.

Currently, measures are being implemented to improve the organization of medical care for accident victims in road traffic accidents at the pre-hospital and hospital stages, including those with combined injuries. One of the directions of this activity is the organization of trauma centers of various levels.

Thus, the relevance of CI is determined by significant socioeconomic damage inflicted on society, as well as the fact that combined injuries often have distinctive clinical features, which necessitates

special approaches to organizing medical care for the affected individuals. Global experience demonstrates the effectiveness of medical care for CI patients provided in trauma centers of different levels. In the Republic of Kazakhstan, this experience is insufficiently accumulated. All these factors create prerequisites for improving the organization of specialized medical care for CI patients, including in trauma centers based on multi-profile hospitals. According to modern standards, low morbidity and mortality among patients with trauma can be achieved with the help of a multi-profile and experienced trauma team [2].

Research objective: To study the causes of combined injuries, describe the structure of organ damage frequency, and identify the main causes of lethality.

Materials and methods: Retrospective analysis of medical records of patients with combined injuries of the thoracic and abdominal organs in the surgical department of the University Hospital of the Non-Commercial Joint-Stock Company "Semey Medical University." A detailed analysis was conducted on 87 patients, including 64 males (73.56%) and 23 females (26.44%). The age of the patients ranged from 19 to 67 years, with an average age of 41.5 ± 1.2 .

Research results: The absolute number of cases with combined injuries was 87, including 52 (59.8%) with injuries to the organs of the thoracic cavity, 20 (23%) with injuries to the organs of the thoracic and abdominal cavities, 13 (14.9%) with injuries to the organs of the abdominal cavity, and 2 (2.3%) with injuries to the organs of the thoracic, abdominal, and pelvic cavities. Among the injuries to the organs of the thoracic cavity, the most common cases were rib fractures - 23 (44.23%), vertebral fractures - 7 (13.46%), lung contusions - 6 (11.54%), hemothorax - 3 (5.77%), hemothorax - 5 (9.62%), and pneumothorax - 8 (15.38%). Among the injuries to the 13 abdominal organs, intraperitoneal bleeding accounted for 5 (38.46%), hemoperitoneum - 1 (7.69%), liver rupture - 2 (15.38%), spleen rupture - 3 (23.09%), and kidney rupture - 2 (15.38%). Among pelvic injuries, there were fractures of the pelvic bones - 2.3%, rupture of the sigmoid colon, and rupture of the urinary bladder.

In the social structure of the affected individuals, males predominated (64 cases), with 6.8% of the affected individuals being under 19 years old, 80.8% between 20 and 59 years old, and 12.4% above 59 years old. Among the circumstances of the injuries, road traffic accidents (86.5%) were the leading cause, with drivers of private vehicles (53%), passengers (28.8%), and pedestrians (18.2%) being affected. Other injuries were observed as a result of industrial accidents (13.5%). The overall mortality rate was 15%, with 13.7% for males and 1.4% for females.

Conclusion: In the structure of combined injuries, thoracic injuries are predominant, and the majority of affected individuals are of working age (around 80% of cases) and male (1.4 times more likely). Road traffic accidents (86.5%) are the leading cause among the injury circumstances. The lethality rate in combined injuries is high (15%), with nearly 10 times higher rates for males compared to females.

Literary sources

1) D. Muchuweti, E. Muguti, Penetrating thoracoabdominal injuries from multiple-spiked spear stabbing: case report and literature review, Clin. Case Rep. (2020) 1–5, <https://doi.org/10.1002/ccr3.2809> 00.

2) I. Negoj, S. Paun, B. Stoica, I. Tanase, M. Vartic, R.I. Negoj, S. Hostiuc, M. Beuran, Latest progress of research on acute abdominal injuries, J. Acute Dis. 5 (1) (2016) 16–21, <https://doi.org/10.1016/j.joad.2015.07.003>.

Pedagogical sciences

THE DEVELOPMENT OF INCLUSIVE EDUCATION IS ONE OF THE MAIN PRIORITIES OF EDUCATION POLICY

Khudiyeva Farida Tofiq

Teacher, doctor of philosophy in pedagogy
ADPU, Azerbaijan

İNKLÜZİV TƏHSİLİN İNKİŞAFI TƏHSİL SİYASƏTİNİN ƏSAS PRIORİTETLƏRİNDƏNDİR

Xudiyeva Fəridə Tofiq qızı

Ba müəllim, pedaqogika üzrə fəlsəfə doktoru
ADPU, Azərbaycan

Abstract

Inclusive education is one of the most relevant issues in modern times. The establishment of inclusive education resulted in the identification of obstacles and difficulties faced not only by society, but also by people with disabilities in all parts of the world, and finding ways to solve them. Inclusive education is considered to be a development process based on making general education accessible to all and adapting it to the different needs of all young people. This form of education also includes the involvement of young people with limited health opportunities in education. It should be taken into account that during the education of young people as an independent individual, each of them may have certain needs. These can be both medical, psychological and sociological needs. In addition to physically healthy people, people with limited health capabilities may have such needs. Of course, if we are talking about education, one of the first issues that we will mention is the involvement and adaptation of those children and young people in the training process, so that they do not lag behind their peers in training. If a person has any problems, he should not be left behind in education, on the contrary, he should be able to become an independent individual by being integrated into the society. In this way, the role of inclusive education is quite large. The development of inclusive education is one of the main priorities of the education policy of many countries of the world. This system, at the same time, aims to adapt the education system of any country to international principles and standards. Based on the psychological-pedagogical literature and legislative acts, we can note that the process of children with limited health opportunities taking lessons within the framework of special requirements in preschools and secondary schools is the basis of inclusive education.

Xülasə

İnklüziv təhsil müasir dövrdə öz aktuallığı ilə fərqlənən məsələlərdən biridir. Nəinki cəmiyyətin, dünyanın hər yerində sağlamlıq imkanları məhdud şəxslərin qarşılaşdığı maneələrin, çətinliklərin müəyyən edilməsi və onların həlli yollarının tapılması məhz inklüziv təhsilin yaradılması ilə nəticələnmişdir. Inklüziv təhsil ümumi təhsilin hamı üçün əlçatan olmasını nəzərdə tutan və bütün gənclərin müxtəlif ehtiyaclarına uyğunlaşdırılmasına əsaslanan inkişaf prosesi hesab olunur. Bu təhsil forması, həmçinin, sağlamlıq imkanları məhdud gənclərin təhsilə cəlb olunmasını da özündə cəmləşdirir. Nəzərə almaq lazımdır ki, gənclərin müstəqil bir fərd kimi təhsili zamanı onların hər birinin müəyyən ehtiyacları yarana bilər. Bunlar həm tibbi, həm psixoloji, həm də sosioloji ehtiyaclar ola bilər. Fiziki baxımdan sağlam olan insanlarla yanaşı, sağlamlıq imkanları məhdud olan insanların da belə tələbatları mümkündür. Təbii ki söhbət təhsildən gedirsə, ən birinci qeyd edəcəyimiz məsələlərdən biri də həmin uşaq və gənclərin təlim prosesinə cəlb və adaptasiya olunması, təlimdə həmyaşıdlarından geri qalmamalarıdır. Əgər bir insanda hər hansı bir problem varsa, o təhsildən geri qalmamalı, əksinə cəmiyyətə inteqrasiya olunaraq, özünü müstəqil fərd kimi yetişdirməyi də bacarmalıdır. Bu yolda isə inklüziv təhsilin rolu kifayət qədər böyükdür. Inklüziv təhsilin inkişafı dünyanın bir çox ölkələrinin təhsil siyasətinin əsas prioritetlərindəndir. Bu sistem, eyni zamanda, özündə hər hansı bir ölkənin təhsil sisteminin beynəlxalq prinsip və standartlara uyğunlaşdırılması məqsədini də daşıyır. Psixoloji-pedaqoji ədəbiyyatlara və qanunvericilik aktlarına, əsasən, qeyd edə bilərik ki, sağlamlıq imkanları məhdud olan uşaqların məktəbəqədər müəssisələrdə, orta təhsil məktəblərində xüsusi tələblər çərçivəsində dərs alması prosesi inklüziv təhsilin əsasını təşkil edir.

Keywords: inclusive education, society, development, individual, personality
Açar sözlər: inklüziv təhsil, cəmiyyət, inkişaf, fərd, şəxsiyyət

Xüsusi təhsil haqqında Azərbaycan Respublikasının qanunvericiliyi Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyasından, bu Qanundan, digər müvafiq qanunvericilik aktlarından və Azərbaycan Respublikasının tərəfdar çıxdığı dövlətlərarası müqavilələrdən ibarətdir.

3 iyun 2001-ci ildə qəbul edilmiş "Sağlamlıq imkanları məhdud şəxslərin təhsili" (xüsusi təhsil) haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanununda qeyd edilir ki, bu tipdən olan şəxslərin ümumtəhsil müəssisələrinə qəbulu qanunvericiliklə müəyyən olunmuş qaydada psixoloji-tibbi-pedaqoji komissiyanın və ya tibbi-sosial ekspert komissiyasının qərarına, əsasən, həyata keçirilir.

Bu təhsil formasında istifadə olunan təlim metodikasına müvafiq olaraq inklüziv təhsil uşaqlara qarşı hər hansı formada ayrı-seçkilik edilməsinin qarşısını alır, müxtəlif nevroloji və ya psixi xəstəlikləri olanlara belə mükəmməl şəkildə təhsil almaq, uğur qazanmaq, cəmiyyətin normalarına uyğun şəxsiyyət kimi formalaşmasına şərait yaradır. Inklüziv təhsil sisteminin əsas vəzifəsi məhdud imkanlara malik insanların peşə hazırlığı üçün əlverişli və sağlam sosial-psixoloji mühit yaratmaqdır. Sağlamlıq imkanları məhdud və xüsusi qayğıya ehtiyacı olan uşaqların daha keyfiyyətli təhsilə yiyələnməsi, cəmiyyətə daha tez adaptasiyası üçün digər yaşlıları ilə bir yerdə olması daha məqsəduyğundur. Bu baxımdan inklüziv təhsil istər sağlam, istərsə də müəyyən məhdudiyyətləri olan gənclərin bərabər təhsil alma hüquqlarını təmin edir. Bu isə cəmiyyətdə insanlar arasında sosial bərabərliyin qorunmasına, sağlamlığında müəyyən məhdudiyyətləri olan gənclərin təhsil və başqa xüsusi ehtiyaclarının ödənilməsinə şərait yaratmış olur (2).

Azərbaycan Respublikasında "İnklüziv təhsil layihəsi"nin icrasına 2005-ci ildən başlanılmışdır. Nazirlər Kabinetinin 3 fevral 2005-ci il tarixli, 20 nömrəli qərarına əsasən "Azərbaycan Respublikasında xüsusi qayğıya ehtiyacı olan (sağlamlıq imkanları məhdud) insanların təhsili"nin təşkili üzrə inkişaf proqramı təsdiq edilmişdir.

Cəmiyyəti düşündürən əsas məsələlərdən biri də hər bir fərdin təhsilə cəlb olunması, onun cəmiyyətdə öz yerini tutması və şəxsiyyət kimi formalaşmasıdır. Ancaq təəssüf hissi ilə söyləyə bilərik ki, bəzən həyat şəraiti, düşüymüz situasiyalar və ya qarşılaşdığımız problemlər, çətinliklər bizə səmərəli təhsil almağa imkan vermir, hətta bəzən bizi təhsildən uzaqlaşdırır. Burda isə bir sıra amillərin rolunu qeyt etmək olar. Məsələn, coğrafi şərait, təhsilin əlçatan olmaması, sağlamlıq imkanlarının kifayət etməməsi və digər səbəbləri göstərmək olar. Saydığımız səbəblər müəyyən zaman çərçivəsində bizi təlim prosesindən uzaqlaşdırır, həmçinin, bizim ətraf aləmə və bilavasitə cəmiyyətə adaptasiya olmağımızda da maneə ola bilər. Qeyd etdiyimiz bu səbəblər içərisində fərdlərin təhsilə cəlb olunmasında ən böyük sərhəd kimi sağlamlıq imkanlarının məhdudluğunu göstərmək olar. Ancaq sağlamlıq imkanları məhdud olan uşaqların hər hansı bir probleminin olmasına baxmayaraq onların qayğısına qalmaq lazımdır (1). Dünyanın inkişaf etmiş və inkişafda olan bir çox ölkələrində (məsələn, Böyük Britaniya, ABŞ, İsveçrə və s.) sağlamlıq imkanları məhdud uşaqlar adi uşaqlarla birlikdə ümumtəhsil məktəblərində təhsil alır və uşaq bağçalarına gedirlər. Bu, başqa bir yanaşmadır və bu cür integrasiyaya inklüziv təhsil deyilir. Inklüziv sözü fransızca "inclusive" - "özünə daxil edən", latınca "includo" - "nəticəyə gəlmək" mənasını verir. Bu termini xüsusi qayğıya ehtiyacı olan uşaqların təhsil prosesinin təşkili ilə bağlı məsələlərin həllinə istiqamətləndirilmişdir. Inklüziv təhsilin əsas məqsədini xüsusi qayğıya ehtiyacı olan uşaqlar üçün maneəsiz təlim mühitinin yaradılması və onların psixoloji hazırlığının təmin olunması təşkil edir. Digər sözlə desək, inklüziv təhsilin əsas məqsədi xüsusi qayğıya ehtiyacı olan uşaqların bacarıqlarının inkişaf etdirilməsi, onların sosial mühitə integrasiyasına şərait yaratmaq, valideynlərin maarifləndirilməsi və onlarla inklüziv təhsil sistemik sahəsində övladları üçün aparılan işin həyata keçirilməsində köməklik göstərmək və bu sahədə çalışan müəllimlərin metodik hazırlığını inkişaf etdirməkdir (4).

Xüsusi qayğıya ehtiyacı olan uşaqların təlim-tərbiyəsi onların ictimai həyata və əmək fəaliyyətinə, cəmiyyətə qoşulması olduqca mürəkkəb sosial və pedaqoji-psixoloji problemdir. Adətən, xüsusi qayğıya ehtiyacı olan uşaqların təhsil səviyyəsi müxtəlif olur. Belə ki, bu uşaqlardan bəziləri yalnız elementar ümumtəhsil biliklərinə yiyələne bilər, digər qismi isə bu sahədə sərhədsiz imkanlara malik ola bilər. Praktiki fəaliyyətdə də xüsusi məktəb şagirdlərinin bəzilərinin yüksək ixtisaslara yiyələnməsi, digərlərinin isə yalnız aşağı səviyyəli ixtisas işləri görə bildikləri, öz həyatlarının və əməklərinin təşkilini tələb etmə qabiliyyətinə malik olduğu müşahidə olunmuşdur.

Müasir dövrdə, qloballaşan dünyada tibbi və psixoloji elmlərin sürətlə inkişafı xüsusi ehtiyacılı uşaqların inkişaf xüsusiyyətlərinin açılmasına böyük kömək edir. Problemlərin ayrı-ayrılıqda diferensiallaşdırılmasına (məsələn, ağır eşitmə və karlıq), xüsusi ehtiyacılı uşaqların və onların etiologiyasını təsnifatlaşdırmasına (məs, əqli geriliyin və ruhi xəstəliyin ayrılması) isə müəyyən cəhdlər göstərilmişdir (1).

Ümumiyyətlə, bütün insanlar öz həmyaşıdlarının köməyinə və dostluğuna ehtiyac duyurlar, dünyada xüsusi qayğıya ehtiyacı olan uşaqların təhsilinin tarixini nəzərdən keçirsək görərik ki, qeyd etdiyimiz məsələlərə daim ehtiyac duyulur. Xüsusilə, sağlamlıq imkanları məhdud olan uşaqların cəmiyyətə adaptasiyası zamanı qeyd etdiyimiz bu kimi keyfiyyətlərə xüsusi diqqət yetirilməsi vacibdir.

Bildiyimiz kimi, sağlamlıq imkanları məhdud olan uşaqların təlim-tərbiyəsi yaxın inkişaf zonasını nəzərə alaraq inkişafetdirici xarakter daşımalıdır. Xatırladaq ki, yaxın inkişaf zonası müəllimin köməyi ilə reallaşdırılan xüsusi ehtiyacılı uşaqların funksiyalarını formalaşdıran potensial imkanlar ehtiyatı hesab olunur. Yaxın inkişaf zonası yalnız imkanları deyil, həm də xüsusi qayğıya ehtiyacı olan uşağın psixi inkişafının perspektivini də müəyyən edir. Sağlamlıq imkanları məhdud olan uşaqlarla təlim prosesi olduqca diqqət və qayğı tələb edən bir prosesdir. Belə ki, təlim prosesi uşaqların psixikasında yaxın inkişaf zonasının aktual inkişafa keçməsinə stimullaşdırmaqda böyük əhəmiyyət kəsb edir. Yəni zaman keçdikcə müəllimin rəhbərliyi ilə olan proses artıq uşaq tərəfindən rahat şəkildə yerinə yetirilərk həll yolunu tapmış olur. Həmin uşaqların məsələləri həll etmə qabiliyyəti müstəqil formaya keçirilmiş olur. Bu isə bilavasitə olaraq, təlimin və inkişafın daxili əlaqəsini təşkil edir, eyni zamanda, sağlamlıq imkanları məhdud uşaqlarla düzgün təşkil olunmuş təlimin onların fərdi inkişafı ilə də nəticələnir. Adətən, xüsusi qayğıya ehtiyacı olan uşaqlarda inkişaf problemləri, dedikdə biz, onların sosial mühitdə qarşılaşdığı ünsiyyət çətinlikləri, təlimə motivasiyanın aşağı düşməsi və cəmiyyətə adaptasiya probleminin yaranması kimi məsələləri vurğulaya bilərik (5). Çünki bu zaman onların ətrafında baş verən hadisələrə adekvat reaksiya imkanlarının aşağı düşməsi kimi halları da müşahidə olunur. Elə buna görə də xüsusi qayğıya ehtiyacı olan uşaqların təlim-tərbiyəsinin yerinə yetirdiyi vəzifələrindən biri də məhz cəmiyyət, kollektivlə adekvat ünsiyyətin təmin edilməsi, sosial qayda və normativlərin dərk edilərək yerinə yetirilməsidir. Dediymiz bu xüsusiyyətlər nəzərə alınarsa, sağlamlıq imkanları məhdud uşaqların pedaqoji-psixoloji problemlərinin həlli yolunda vacib addımlar atılmış olar. Bu zaman onların ən böyük problemlərindən olan sosial adaptasiya məsələsi də öz həll yolunu tapar. Çünki sosial adaptasiya xüsusi qayğıya ehtiyacı olan uşaqların ictimai-faydalı həyat aktiv iştirak etməyə imkan verir, onların cəmiyyətdə birbaşa sosial rollarını müəyyənləşdirir, aktiv həyat fəaliyyətinə keçid almasına gətirib çıxardır.

Ədəbiyyat siyahısı

1. E.M.Kərimova. İnküziv təlim: inkişaf tarixi və tətbiqi problemləri. Azərbaycan Respublikasının Təhsil Problemləri İnstitutunun Elmi əsərləri. 2011, N4
2. Əliyev R.İ. Məktəbdə psixoloji xidmətin aktual məsələləri. Bakı: Nurlan, 2004, 80 s.
3. Əlizadə Ə.Ə. İstedadlı uşaqlar. Psixopedaqoji məsələlər. Bakı: ADPU, 2005, 351 s
4. "Xüsusi təyinatlı təhsil müəssisələrinin təsis edilməsi qaydaları"nın və "Xüsusi təyinatlı təhsil müəssisələrinin siyahısının təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin 24 may 2010-cu il tarixli 274 N-li fərmanı
5. İ.H.Əliyev. Azərbaycan Respublikasında dövlət uşaq müəssisələrindən uşaqların ailələrə verilməsi və alternativ qayğı Dövlət Proqramı (2006-2015-ci illər)
6. Qədirov Ə.Ə. Yaş psixologiyası. Bakı: Maarif, 2002, 396 s.
7. R.Cabbarov, K.Əliyeva "Pedaqoji psixologiya", Bakı, 2011, 243 s

Philological sciences

LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF STUDY OF OFFICIAL AND BUSINESS DISCOURSE ON THE MATERIAL WRITTEN MONUMENTS OF THE 17th CENTURY

Faizova Feruza Shakirovna

Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences
and Associate Professor of the Department of Russian Linguistics,
Faculty of Foreign Philology
National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek
Tashkent, Uzbekistan

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ XVII В.

Фаизова Феруза Шакировна

доктор философии (PhD) по филологическим наукам
и.о. доцента кафедры русского языкознания
факультета зарубежной филологии
Национального университета Узбекистана
имени Мирзо Улугбека
г. Ташкент, Узбекистан

Abstract

Within the framework of this article, it is supposed to highlight the diplomatic relations between Russia and Central Asia. The materials were handwritten monuments of the 17th century, in particular, the so-called article lists of Russian envoys. The analysis showed that article lists, as one of the genres of official business documents, have a certain structure that corresponds to the clerical practice of the historical period under consideration. These documents include initial, main and final parts. Based on the study of official historical documents, it can be concluded that the article lists of Russian envoys of the 17th century. are fertile material for studying the history of the formation of versatile relations between Russia and Central Asia.

Аннотация

В рамках данной статьи предполагается осветить дипломатические отношения между Россией и Средней Азией. Материалами послужили рукописные памятники XVII в., в частности, так называемые статейные списки российских посланников. Анализ показал, что статейные списки как один из жанров официально-деловых документов имеют определенную структуру, которая соответствует канцелярской практике рассматриваемого исторического периода. Данные документы включают начальную, основную и конечную части. На основании изучения официальных исторических документов можно заключить, что статейные списки российских посланников XVII в. представляют собой благодатный материал для изучения истории становления разносторонних отношений между Россией и Средней Азией.

Keywords: *diplomatic relations, ancient manuscripts, article lists, linguistic source, Russian cursive writing of the 17th century.*

Ключевые слова: *дипломатические отношения, древние рукописные памятники, статейные списки, лингвистический источник, русское скорописное письмо XVII в.*

Современная историческая наука накопила много свидетельств тесной исторической связи между Россией и Средней Азией. Изучение истории налаживания плодотворного сотрудничества, исследование документов, фиксирующие разные стороны деятельности российских послов и посланников на территории Туркестана, важно для современности, для тесного взаимовыгодного сотрудничества между Узбекистаном и Россией. В Узбекистане большое внимание уделяется изучению письменных памятников, в которых отражается многовековая история взаимосвязей народов наших стран: перед «научно-исследовательскими

учреждениями стоят актуальные задачи по сохранению, реставрации рукописей, пополнению имеющихся фондов...» [10].

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) за период XVII–XVIII вв. хранятся, включая копии, более 600 посольских книг по связям России с иностранными государствами Европы и Азии, в частности, с Польшей, с Крымским ханством, Турцией, Бухарским, Хивинским ханствами и др. [9].

Как известно, первые контакты русского государства со среднеазиатскими относятся к XVI в. Так, в 1589 году добивался дружбы с Москвой бухарский хан, желавший установления с ней торговых отношений [6].

Во время правления царя Михаила Федоровича были направлены российские послы и посланники в Среднюю Азию: дворянин Иван Хохлов, Савин Горохов и Анисим Грибов, Семён и Борис Пазухиных, Василий Даудов и др. Тесные и регулярные связи народов нашли отражение в так называемых статейных списках, которые «своё наименование получили в связи с особенностями изложения: отчёты, ...обстоятельные ответы на статьи, или пункты наказа...» [12]. Эти источники, давая интересные сведения для изучения истории русского языка, одновременно могут «правдиво воссоздать историческое прошлое народов Узбекистана, устранить «белые пятна» [4].

Статьейные списки российских посланников в Среднюю Азию XVII в. издавались и привлекались к анализу, в основном, историками [2], которые обращали внимание в основном на содержание письменных памятников. Языковеды же находят в таких источниках интересные факты об истории русского языка XVII в. [6]. Знаток русских скорописных текстов и основоположник лингвистического источниковедения С.И.Котков указывает, что вполне надежным материалом для лингвистического исследования являются оригиналы [5]. Вслед за ним к такому же заключению приходит и Д.С.Кулмаматов, занимавшийся изучением русских скорописных переводных деловых документов XVI–XVII вв.: «Для изучения среднеазиатских дипломатических переводных документов XVII в. ... вместе с их русскими переводами того времени достоверными могут быть лишь подлинники или их точные воспроизведения» [8].

При издании рассматриваемых нами статейных списков, в частности Ивана Хохлова и Бориса и Семёна Пазухиных, историки воздерживаются от конкретного комментария, в результате искажалось содержание текста, не оценивался первоначальный вид, что не дает возможность изучить культуру письма XVII в. и получить достоверные факты о свойствах русского языка того времени.

Согласно С.И.Коткову, «для научных публикаций» рукописей памятников требуются совместные усилия «лингвистов, историков и литературоведов, а возможно ученых и других специальностей» [6]. Но, к сожалению, совместных публикаций, исследований древнерусских памятников, осуществленных лингвистами и историками, мы почти не имеем. Исключение составляет единственная публикация, изданная лингвистами И.Г.Добродомовым, Г.Я.Романовой, Д.С.Кулмаматовым и историком М.П.Лукичевым «Статьейный список посольства Савина Горохова и Анисима Грибова в Хиву и Бухару в 1641 г.» [11]. При подготовке рукописного текста оригинала данного статейного списка к изданию авторами «были учтены интересы и лингвистов, и историков» [7]. Издателям удалось сохранить не только его содержание, но и изучить почти все особенности, характерные для русского скорописного письма XVII в.

Статьейные списки как повествовательно-художественный источник содержат значительный материал исторического и этнографического характера и весьма ценны в литературном и лингвистическом отношении, на что, к сожалению, обращается внимание довольно редко [1]. Немаловажный интерес представляет в этом плане специальные и статьи А.М.Сабениной «Статьейные списки и их значение для истории русского языка», «Из наблюдений над дипломатической лексикой статейных списков», «Лексика сферы дипломатических отношений в русском языке XVII в. (по материалам статейных списков)».

Статьейные списки русских послов и посланников, ездивших с различными поручениями в Среднюю Азию, содержат материал и о политических отношениях, и о событиях в Бухарском и Хивинском ханствах в XVII в. [12]. Данные деловые документы свидетельствуют о том, что на всем протяжении рассматриваемого периода между Россией и Средней Азией осуществлялся регулярный обмен посольствами. Из содержания рукописных памятников получаем сведения о внутреннем строе, быте и нравах, природных богатствах зарубежных стран. Рукописи статейных списков Ивана Хохлова, Савина Горохова и Анисима Грибова, Бориса и Семёна

Пазухиных уникальны и по своему текстовому объему. Столбцовая часть памятников насчитывает 88, 64 и 129 листов соответственно.

В статейных списках описывалась дорога к месту назначения, назывались города, через которые приходилось проезжать, перечислялись трудности и лишения, выпавшие на долю посольств. Каждый день пребывания за границей описывался тщательно. Изложение данных в дневниковой форме вносило в язык документа и элементы непринужденности, иногда и художественности, что вызывает большой интерес у лингвистов. Посольство Хохлова находилось в Бухаре с конца 1620 по 13 сентября 1622 года, об этом можно найти в самом тексте статейного списка. Подробно описывается состав посольства Пазухиных, который состоял из толмачей Микиты Медведева и Семена Измайлова, «целовальника» Симона Иванова, подьячего Афанасия Прошлецова, купца Ивана Савельева и троих стрельцов. Даются сведения о пути следования, о том, что миссия отправилась сухопутным путем через Яик, калмыцкий улус и Хиву, что обратный маршрут шел через Иран и ханства Южного Кавказа (Шемаху и Баку) и дается объяснение причины (казаки в очередной раз ограбили караван хивинского хана, те в отместку хотели задержать Пазухиных в своих владениях).

Следует отметить, что статейные списки интересны и как лингвистический источник: именно статейные списки отчасти являются истоками, из которых можно почерпнуть сведения становления общенационального русского языка. Разнообразная тематика, выходящая далеко за рамки официального отчета, требовала развития средств изложения. Протокольное описание событий уступало место живому повествованию, что находило свое выражение в обилии оборотов прямой и косвенной речи, дословной передаче посольских бесед, эмоциональных отступлений писцов. В статейных списках заключены ценные сведения о языке XVI–XVII вв., о соотношении книжных и народно-разговорных элементов в языке деловой письменности. Обилие географических названий, собственных имен, названий титулов и должностных лиц, предметно-бытовой лексики (названий тканей, кож, мехов, одежды, головных уборов и др.) в различных фонетических и графических вариантах дает яркое представление об адаптации иноязычных слов в русском языке XVII–XVIII вв.

Анализ показывает, что статейные списки строятся по единому шаблону, соответствующему канцелярской практике XVII в. [3], состоит из начальной, основной и конечной частей. В начальной части статейных списков излагаются краткие сведения об отправлении, о посланниках (имя, фамилия), о дате выезда или же приезда посольства и формулируется цель поездки. В исключительных случаях в ней давались справки, имеющие отношение к миссии посольств. Основная часть раскрывает содержание статейного списка. В ней указывается маршрут посольств, описываются быт и нравы, экономическая, политическая и культурная жизнь народов, проживающих на территории Средней Азии в XVII в.; излагается суть договора – об укреплении дипломатических и торговых отношений Бухарского и Хивинского ханств с Россией; приводятся выдержки из указов, наказов московских правителей, расспросных речей русских пленных, протоколов аудиенций по приему и отпуску русских посланников среднеазиатскими правителями. Кроме того, в ней тщательно описывается каждый день пребывания в чужой стране, даются подробные сведения об обратном пути и сообщается дата возвращения. В конечной части (заключительной) статейных списков приводятся: названия даров, предназначенных главам правительства и их приближенным, выданных посланникам; росписи расходов, произведенных во время поездок; перечень посольских товаров и подарков, преподнесенных среднеазиатским правителям.

Таким образом, рассмотренные нами статейные списки российских посланников XVII в., представляющие собой образцы официально-деловых документов данной эпохи, содержат ценные сведения о народах России и Средней Азии. Будучи историческими источниками, свидетельствуют, свидетельствуют о разносторонних отношениях народов. Кроме того, отражая характерные черты русского языка XVII–XVIII вв., данные документы являются объективными источниками по изучению истории русского языка, усвоения иноязычных слов.

References

1. Andreeva L.S. From observations on the word formation of nouns with the meaning of actions in the language of diplomatic reports of the 16th–17th centuries. – Tselinograd, 1966. – S. 61–63.
2. Veselovsky N.I. Essay on historical and geographical information about the Khiva Khanate from ancient times to the present. – St. Petersburg, 1877. – P. 364; Ulyanitsky V.A. Relations of Russia with Central Asia and India in the XVI–XVII centuries. – M., 1889. – S. 62; Zhukovsky S.V. Russia's relations with

Bukhara and Khiva over the last tercentenary. –Pg., 1915. –S. 215; Preobrazhensky A.A. From the history of relations between the Russian state and Central Asia in the 17th century. (Two embassies of the merchant Anisim Gribov)//Historical Notes. –M., 1951. –T.36. –S. 269–286.

3. Volkov S.S. *Vocabulary of Russian petitions of the 17th century. Formulary, traditional and stylistic means. – Publishing House of Leningrad State University, 1974. – P. 31.*

4. Karimov I.A. *There is no future without historical memory // We build our future with our own hands. – Tashkent: Uzbekistan, 1999. – P. 128–152.*

5. Kotkov S.I. *Linguistic source study and history of the Russian language. – M.: Nauka, 1980. – P.10–11.*

6. Kotkov S.I. *On the joint publication of ancient Russian cursive monuments by linguists and historians//Linguistic source study. – M.: Nauka, 1963. – P.8.*

7. Kulmamatov D.S. *Linguistic and textological study of article lists of Russian envoys to Khiva and Bukhara in the 17th century. –T.: Vostok, 2000. –No. 5. – P.32–36.*

8. Kulmamatov D.S. *Central Asian affairs of the embassy order as a source for the history of the Russian language: diss. ... doctor of phil.sci. – Moscow, 1995. – 357 p.*

9. *Review of embassy books from the funds-collections kept in TsGADA (now RGADA) (late 15th – early 18th century) / Comp. and the author will enter. articles by N. M. Rogozhin. –M., 1990.*

10. *Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated May 24, 2017 No. PP–2995 "On measures to further improve the system of storage, research and promotion of ancient written sources."*

11. *RGADA, fund 134, inventory 1, 1641, case 2. This article list of the embassy of Savin Gorokhov and Anisim Gribov to Khiva and Bukhara in 1641 was published by linguists D.S. Kulmamatov, I.G. Dobrodomov, G.Ya .Romanova and historian M.P. Lukichev. – M., 1995.*

12. Sabenina A.M. *Article lists and their significance for the history of the Russian language. //Russian language. Sources for its study. –M.: Nauka, 1971. – S. 59–84.*

FEATURES OF ADJECTIVE CHARACTERISTICS OF HUMAN INTELLECTUAL ABILITIES

Zholdosbekova Makhbat Kanatbekovna

teacher of English, Ph.D. student of the Philology Faculty ERPC
"International University of Kyrgyzstan", Bishkek**Abstract**

This article explores the features of the adjectival characteristics of human intellectual abilities. Intellectual abilities represent the highest level of cognitive processes, including the ability to analyze, solve problems, learn, and think abstractly. The article discusses the features of the adjectival characteristics, based on the presentation of various adjective indicators used to describe intellectual abilities. Examples of the use of adjectives in describing various types of intellectual abilities, such as logical thinking, creativity, emotional intelligence, and others, are analyzed. Additionally, contextual factors that may influence the interpretation and perception of adjectival characteristics in the context of intellectual abilities are considered. The results of the study can be of practical importance for understanding and evaluating the intellectual abilities of a person using adjective characteristics.

Keywords: adjectival characteristics, intellectual abilities, adjectives, description, logical thinking, creativity, emotional intelligence, contextual factors, evaluation.

Intellectual abilities encompass a complex array of cognitive functions such as analysis, problem-solving, abstract thinking, and learning. The utilization of adjective characteristics in describing human intellectual abilities has gained attention from researchers and practitioners alike. Adjective characteristics involve the use of adjectives to describe and classify intellectual abilities.

This study is based on an analysis of existing scientific research, literature, and theoretical models related to the adjective characteristics of intellectual abilities. Various types of intellectual abilities, including logical reasoning, creativity, emotional intelligence, and others, will be examined, and examples of adjectives used to describe them will be analyzed. Contextual factors, including sociocultural and situational considerations, that influence the perception and interpretation of adjective characteristics will be considered.

In order to understand the features of adjective characteristics in describing human intellectual abilities, it is crucial to establish a clear definition of intellectual abilities. Intellectual abilities refer to the cognitive capacities and skills that enable individuals to process information, think critically, solve problems, reason logically, and acquire knowledge. These abilities are essential for adaptive functioning, learning, and intellectual development. Definitions of the words "intellectual" and "ability" are given according to Collins Dictionary:

1. Definition of "intellectual" [ɪntɪlektʃuəl]

Intellectual means involving a person's ability to think and understand ideas and information.

2. Definition of "ability" [əbɪlɪti]

Your ability to do something is the fact that you can do it.

[<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/intellectual-ability>]

There are many scientists who researched the topic of human's mental and intellectual abilities. One of them is an American developmental psychologist Dr. Howard Gardner. Dr. Howard Gardner tells us in his book "Frames of Mind" about eight main bits of intelligence. These are:

1. Interpersonal - ability to understand and interact effectively with others
2. Intrapersonal - gain insight into yourself and your motivations
3. Kinesthetic - ability to coordinate and move in sports, dancing, and other physical activities
4. Linguistic - Demonstrate ability to speak and write well to communicate clearly
5. Logical-mathematical - can solve problems with logical and mathematical skills
6. Musical – demonstrate the ability to enjoy and play music
7. Naturalistic - able to recognize, relate, understand, and identify a wide range of animals, plants, and other living things
8. Spatial - The ability to think and see objects in three dimensions. This is also called image thinking.

These different intelligences are also called human intelligence (interpersonal), self-intelligence (intrapersonal), verbal intelligence (linguistic intelligence), number/argumental intelligence (logical mathematics), body intelligence (kinesthetic), and musical intelligence (music). will be, and so on, photo-realistic intelligence (naturalistic).

Adjective characteristics provide valuable insights into students' intellectual abilities and can be utilized in assessing their academic performance. By incorporating adjective characteristics into evaluation processes, educators can gain a more comprehensive understanding of students' strengths and weaknesses across different cognitive domains. For example, adjectives such as "analytical," "creative," or "logical" can be used to describe a student's problem-solving skills, while "articulate" or "expressive" can depict their verbal proficiency. These characteristics can guide educators in providing targeted feedback and designing personalized learning experiences to enhance student development.

Additionally, the use of adjective characteristics in student assessment can contribute to more accurate and fair evaluation practices. Instead of relying solely on traditional quantitative measures, such as standardized tests or grades, incorporating adjective characteristics allows for a more holistic assessment that considers diverse aspects of intellectual abilities. This approach can promote a more comprehensive understanding of students' intellectual potential, considering their unique strengths and talents.

Adjective characteristics can also inform the design of educational interventions tailored to individual students' intellectual abilities. By identifying specific areas of strength or weakness using adjective characteristics, educators can develop targeted strategies to support students' intellectual growth. For example, if a student is characterized as "imaginative" or "innovative," educators can provide opportunities for creative projects or problem-solving activities to foster and nurture these abilities. On the other hand, if a student is described as "detail-oriented" or "analytical," instructional approaches can be designed to enhance their analytical thinking skills.

Moreover, the incorporation of adjective characteristics in educational interventions can promote student engagement and motivation. By recognizing and validating students' unique intellectual abilities through descriptive language, educators can foster a positive learning environment that encourages students to explore and develop their intellectual strengths. This personalized approach to education acknowledges the diversity of students' intellectual profiles and supports their individual growth and development.

Adjective characteristics can play a valuable role in the assessment of job candidates during the hiring process. By utilizing adjective characteristics, employers can gain insights into the intellectual abilities and skills of candidates that are relevant to the job requirements. For instance, adjectives such as "analytical," "innovative," or "strategic" can indicate a candidate's problem-solving abilities, while "detail-oriented" or "organized" can suggest their ability to manage tasks effectively. These characteristics provide a language for describing and comparing candidates' intellectual aptitudes, helping employers make informed decisions in candidate selection.

Integrating adjective characteristics into the assessment process can enhance objectivity and fairness. By considering a broader range of intellectual abilities beyond traditional qualifications and credentials, employers can assess candidates based on their unique strengths and potential contributions to the organization. Adjective characteristics provide a means to evaluate candidates holistically and identify those with the intellectual capabilities that align with the job requirements and organizational goals.

Adjective characteristics can also be employed in the evaluation of job performance. Once individuals are hired, their intellectual abilities can be assessed and described using relevant adjective characteristics. This assessment allows employers to monitor and evaluate employees' intellectual strengths and weaknesses in relation to their job responsibilities. Adjectives such as "creative," "analytical," or "adaptable" can be used to describe employees' problem-solving skills, cognitive flexibility, or ability to think critically.

The utilization of adjective characteristics in job performance evaluation supports the identification of areas for professional development and growth. By understanding employees' intellectual profiles, employers can provide targeted training and learning opportunities to enhance their intellectual abilities. Additionally, adjective characteristics can inform performance feedback discussions and recognition of employees' contributions, as they provide a language for acknowledging and appreciating their specific intellectual strengths.

Integrating adjective characteristics into job performance evaluation promotes a comprehensive understanding of employees' intellectual abilities and fosters a culture of continuous improvement and

talent development within the organization. By recognizing and valuing intellectual diversity, employers can create an environment that supports the optimal utilization of employees' intellectual capabilities, leading to improved job performance and organizational success.

Overall, understanding the features of adjective characteristics in describing human intellectual abilities contributes to our comprehension of intellectual potential and facilitates targeted interventions, personalized instruction, and informed decision-making in both educational and employment settings. By embracing the descriptive power of adjective characteristics, we can create environments that value and nurture the diverse intellectual talents and strengths of individuals, leading to enhanced performance, growth, and success. Future research and application of adjective characteristics can further advance our understanding of human intellectual abilities and optimize their utilization in various practical contexts.

References

1. Howard Gardner, "Frame of minds" The theory of multiple intelligences, New York, 1993, published by Basic Books
2. Oxford University press, 2012
3. <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/intellectual-ability>

Psychological sciences

EARLY MARRIAGE AND ITS CONSEQUENCES (SYSTEMATIC REVIEW)

Ilahe Hajiyeva

Faculty member, Department of Psycholog, aku State University, Baku, Azerbaijan

Abstract

According to Global Position Policy Paper 12 million girls marry before the age of 18 each year – almost one every 2 seconds. If we don't act now, more than 150 million girls will become child brides by 2030. After 2000 years in our country-Azerbaijan, the highest figures were noticed in 2011 year, it was 5138 child marriage. However there were some changes in our Codex in 2012, and so this number have decreased every year. This figure was 366 in 2019, and babies who was born from these marriages were 2320, while it was 4392 in 2011 year.

The main goal of this paper to study main reasons and results of early marriage or child marriage based on literature material. It can be developed in the next researches by using survey, or questionnaires to estimate people's attitude to this issue.

Keywords: early marriage, reasons of early marriage, consequences of early marriage

Child, early and forced marriages or unions are a global problem across many different countries, cultures, religions and ethnicities. Early marriage and forced marriage is highest in Sub-Saharan Africa where 38% of girls become child brides. Among girls growing up in South Asia, 30% experience early marriage, compared with 25% in Latin America and the Caribbean. Rates are 17% in the Middle East and North Africa, and 11% in Eastern Europe and Central Asia.

THE MAIN QUESTION OF THE STUDY IS WHY DOES CHILD MARRIAGE HAPPEN? ACCORDING TO GLOBAL POSITION POLICY PAPER AND UNICEF POLICY PAPERS THE FOLLOWING ITEMS WERE CONCLUDED:

- Inequalities between boys and girls driven by harmful social and gender norms;
- Laws protecting girls aren't enforced;
- Parents think marriage will protect girls from violence, particularly in times of crisis or insecurity;
- Younger wives are considered to be more obedient;
- Poverty – plus there is a higher dowry for older girls or women.

The literature shows that going to school gives girls choices and opportunities in life, allowing them to play an active role in their communities and break the cycle of poverty. Girls who are married are unlikely to be in school. Education, including comprehensive sexuality education, is essential for girls to be able to make informed decisions about their sexual health and well-being. Girls married early are more likely to experience violence, abuse and forced sexual relations due to unequal power relations. They are more vulnerable to sexually transmitted infections (including HIV).

There are many studies showing that the number of child, early and forced marriages (CEFM) increases in times of conflict and humanitarian crisis. It is observed that the rate of early marriages increases inversely proportional to the education level of parents and children (TGNA, 2010). Despite global improvements in gender equality, girls are still more likely than boys to marry as children and do unpaid work. They are also at a significantly higher risk of gender-based violence and receive less education than boys (UNICEF, 2019).

Suiqiong Fan and Alissa Koski examined different sources and realized that sixteen studies estimated the effect of child marriage on the likelihood of experiencing intimate partner violence. Fifteen of these studies were based on cross-sectional data and eight (50%) were based on the DHS. The DHS measures intimate partner violence by asking female respondents a series of questions regarding their experience of specific acts. For example, physical violence is assessed by asking women whether they have been slapped, kicked, or pushed, among other actions. Sexual violence is assessed by asking whether the respondent's husband has forced her to have sex or perform sex acts when she did not want to. Emotional violence is measured by asking whether her spouse has humiliated or threatened her. Studies

based on data from sources other than the DHS tended to use the same or very similar questions to measure the experience of violence.

Physical violence was the most frequently examined outcome but was measured over different time frames across studies. Some estimated the likelihood of ever having experienced physical violence from a husband or partner while others considered only the year prior to the survey.

Estimates of the effect of child marriage on the experience of sexual violence were much less consistent.

Five studies considered only combined outcomes that mixed indicators of physical and sexual violence, or physical, sexual, and emotional violence. All of these found that child marriage was associated with increased reporting of these composite measures of violence, but some results were sensitive to the sample used and were inconsistent across locations. Hong Le et al. considered whether child marriage affected the likelihood of violence among boys but was underpowered to detect any effect.

The literature shows that who married before the age of 18 were more likely to report experiencing a wide range of mood, anxiety, and other psychiatric disorders in adulthood when compared to those who married at later ages. The authors of a small study from a single county in Iran found that women who married as children reported more depressive symptoms than those who married at the age of 18 or older [Fakhari, 2020]. The authors found that marriage before the age of 16 was correlated with poorer overall psychological well-being, but no evidence that marriage between the ages of 16 and 17 was associated with poorer outcomes when compared to women who married at the age of 18 or later [John et al. 2019]. In Ghana, child marriage seemed to protect against measures of stress. The Ghanaian study also found no indication of differences in levels of social support between women who married before the age of 18 and those who married after their 18th birthdays, though these odds ratio estimates were very imprecise.

How we can solve this problem? – UNICEF and other international organizations, countries, state and public, nongovernment organization try to refer some solution ways and methods. Also community need to be active in this process. While government and people work together, and support girls in education, career, and give them the same opportunities as boys, this problem can be solved.

References

1. Fan, S., Koski, A. The health consequences of child marriage: a systematic review of the evidence. *BMC Public Health* 22, 309 (2022).
2. United Nations Office of the High Commissioner for Human Rights. Recommendations for Action Against Child and Forced Marriages [Internet]. 2017. Report No.: UNICEF/UN05222/Dragaj.
3. UNICEF. Early marriage: a harmful traditional practice. New York: UNICEF; 2005.
4. Koski A, Clark S, Nandi A. Has child marriage declined in sub-Saharan Africa? An analysis of trends in 31 countries. *Popul Dev Rev*. 2017;43(1):7–29.
5. Fakhari A, Farahbakhsh M, Azizi H, Esmaeili ED, Mirzapour M, Rahimi VA, et al. Early Marriage and Negative Life Events Affect on Depression in Young Adults and Adolescents. *Arch Iran Med*. 2020;23(2):10.
6. John NA, Edmeades J, Murithi L, Barre I. Child marriage and relationship quality in Ethiopia. *Cult Health Sex*. 2019;21(8):853–66
7. <http://scfwca.gov.az/post/2277/erken-nikah-gunumuzun-aktual-problemi>

Sociological sciences

A RESEARCH ON THE LEADERSHIP DIMENSIONS OF MEDICAL ADMINISTRATORS

Selami Yıldırım

Doç. Dr., Azerbaycan Devlet İktisat Üniversitesi, İşletme bölümü

Abstract

Medical administrators are one of the most important actors in the health sector. The purpose of this study is to identify the leadership styles of medical administrators with respect to their ages through determining the scores pertaining to the leadership dimensions and consequences of their leadership attitudes and behaviors. Data was collected from 148 medical administrators located in Ankara using the "Multifactor Leadership Questionnaire-MLQ 5X – SHORT" developed by Bernard Bass and Bruce Avolio (1995). We analyze the data by calculating the related percentiles, arithmetic means, and standard deviations, and we use ANOVA test to reach a thorough assessment of the findings.

Our empirical findings indicate that the idealized influence-attitudes, idealized influence-behaviors, inspirational motivation, and intellectual stimulation sub-dimensions of transformational leadership style are most prevalent among the 35-39 age group of medical administrators. Findings also show that medical administrators exhibit the transformational leadership style more than the transactional leadership style and laissez-faire leadership style.

The ANOVA test results demonstrate that there is no significant preferential difference among the different age groups of medical administrators regarding the transformational leadership style, transactional leadership style, and laissez-faire leadership style.

Keywords: Multiple Leadership Styles, Transformational Leadership, Transactional Leadership, Laissez-Faire Leadership

Introduction

Health institutions are not only influenced by their immediate surroundings but also by the broader environment they operate in. The environmental conditions surrounding health institutions are rapidly changing, and competition in the sector is intensifying. Furthermore, today's health institutions must compete not only with local and national rivals but also with international competitors.

Health institutions operate in a dynamic environment where the conditions change drastically leading to growing uncertainties. In such an environment, managerial errors may have significant consequences. As a result, such environmental conditions exert substantial impact on the leadership behaviors of health institutions' managers. Therefore, encountering different leadership styles in health institutions is considered as a normal manifestation.

From this perspective, it can be said that there are many researchers contributing to both local and foreign literature on the leadership styles of health institutions' managers. Therefore, it should be noted that research on the leadership styles of healthcare managers still maintains its relevance and researchers show great interest in this field.

In what follows, we provide a short overview of the basic research results in the literature on the leadership styles of health institutions' managers.

In a study conducted by Laschinger, Wong, McMahon, and Kaufmann (2014), using Multifactor Leadership Questionnaire (MLQ) for a sample of 1596 workers employed in 87 different health service units in Canada, it was aimed to determine which type of leadership have a considerable effect on employees' job satisfaction. The research findings suggest that transformational leadership style had the most positive impact on employees' job satisfaction (Laschinger, Wong, McMahon, Kaufmann, 2014:260-267).

In a study conducted by Makama and Ameh (2017), using MLQ for a sample of 239 workers employed in a hospital in Nigeria, it was aimed to determine which type of leadership have a substantial effect on organizational commitment, job satisfaction, performance. The research found that the transformational leadership style had a positive impact on employees' organizational commitment, job satisfaction, and performance (Makama, Ameh, 2017:439-450).

In a study conducted by Weng, Chen, Shu, and Lin (2019), using MLQ for a sample of 355 workers employed in a hospital in Taiwan, it was aimed to determine which type of leadership influence employees' perceptions regarding their institution and performance. The research found that the transformational leadership style had the most positive impact on organizational commitment (Weng, Chen, Shu, Lin, 2019:870).

In a study conducted by Rafferty, Ball, and Aiken (2018), using MLQ for a sample of 33,171 workers employed in various health institutions in Europe, it was aimed to determine which type of leadership effect patients related outcomes. The research found that the transformational leadership style helps reducing patient mortality and improving patient satisfaction (Rafferty, Ball, Aiken, 2018:10-18).

These studies highlight the importance of leadership in the health sector and the impact of leadership styles on factors such as employees' job satisfaction, organizational commitment and performance, and the outcomes of services to patients and patient satisfaction. The MLQ based research is an effective way to assess the consequences of health administrators' leadership behaviors and determine how to improve the quality of health services.

Knowledge Accumulation

The multiple leadership approach primarily consists of three leadership styles: transformational, transactional, and laissez-faire leadership.

The transformational leadership style comprises five basic sub-dimensions: idealized influence-attribute, idealized influence-behavior, inspirational motivation, intellectual stimulation, and individualized consideration.

The transactional leadership style consists of three basic sub-dimensions: contingent reward, active management-by-exception, and passive management-by-exception.

The laissez-faire leadership style is a single dimensional leadership type.

The outcomes of leadership behavior consist of three sub-dimensions: extra effort, effectiveness, and satisfaction.

In what follows we provide a detailed explanation of above mentioned three types of leadership.

1. Transformational Leadership

According to Burns, transformational leadership involves the leader sharing a vision that is beneficial to their followers and inspiring them through leadership. The transformational leadership approach requires the leader to encourage the personal development of their followers, help them realize their potential, and promote shared leadership by giving them participation and autonomy. Transformational leaders understand their followers' beliefs and values and are responsive to their needs. This approach helps the leader motivate their followers and enhance their performance, while the followers contribute to the leader's vision and find opportunities for personal growth (Burns, 1978:20-21; Bass, Riggio, 2006:1-3). Maxwell defines transformational leadership as leading by leaving a positive impact on their followers, motivating them towards success, and helping them realize their potential. Transformational leaders make their followers' lives and works more meaningful by assisting them in achieving their potential (Maxwell, 2011:71-72).

Blanchard and Hodges define transformational leadership as a leadership approach that focuses on the development of followers. This leadership approach requires the leader to understand and value the needs of their followers. Transformational leaders express themselves openly and honestly to gain the trust of their followers and support them in uncovering their potential. They also encourage followers to share in leadership and assist them in realizing their leadership potential (Blanchard, Hodges, 2005:135-136).

Sub-dimensions of Transformational Leadership

i. Idealized Influence-Attitude

According to Bass and Northouse, the idealized influence-attitude sub-dimension refers to the leaders admired and emulated by their followers. This sub-dimension focuses on the leaders' attitudes that influence the attitudes of their followers through providing guidance to them. In the idealized influence-attitude leadership, the leader acts as a role model for their followers and directs them in a positive direction. This leadership manner leads the followers to respect and trust their leaders. Most importantly, the idealized influence-attitude style of leadership puts a great deal of emphasis on the importance of the leaders reflecting the values and beliefs of their followers. This leadership approach, therefore, helps the leaders bring out the potential of their followers and encourage them to share leadership (Bass, Riggio, 2006:83-84; Northouse, 2018:186-187).

ii. Idealized Influence-Behavior

Bass asserts that idealized influence-behavior is an important component of transformational leadership. Idealized influence-behavior refers to the leaders inspiring their followers to act based on their dreams and values and motivating them via a positive impact to dedicate themselves to a higher purpose. This occurs through the leaders serving as an example and the followers imitating the leaders' behaviors (Bass, 1990:19-21).

Burns expands on Bass's concept of idealized influence-behavior manner of leadership and explains how the leaders should shape their behaviors towards their followers. These behaviors help the leaders' followers to become more connected to their own goals and values, which establishes a connection between the leaders' and followers' ideas. Through this connection, the leaders' ideals become the followers' ideals, making it easier for the leaders to guide their followers and motivate them towards success via a positive impact (Burns, 1978:20-21).

iii. Inspirational Motivation

According to Bass, inspirational motivation is also a fundamental dimension of transformational leadership. Inspirational motivation refers to manner of leadership that helps followers to discover their strengths, develop themselves, and realize their potential. That is, in this type of leadership, the leaders have confidence in their followers' abilities and give them responsibilities and tasks (Bass, 1990:21-23). Furthermore, leaders encourage their followers and celebrate their achievements. As a result, followers gain more self-confidence and exhibit higher performance (Burns, 1978:187-190).

iv. Intellectual Stimulation

Bass states that intellectual stimulation refers to the leaders encouraging their followers to think, question, and find creative solutions. Bass also adds that the leaders should assist their followers in utilizing their knowledge and skills and expose them to new ideas and perspectives (Bass, 1985:30-33). Burns, on the other hand, suggests that intellectual stimulation involves the leaders making their followers open to new thoughts and ideas, encouraging their creativity, and challenging them. Burns also emphasizes that the leaders should help their followers develop their abilities and expose them to different viewpoints (Burns, 1978:202-205).

v. Individual Consideration

According to Bass, individualized consideration refers to the leaders understanding their followers' individual needs, assisting them in achieving their goals, and increasing their motivation. This type of leadership requires leaders to help elp their followers develop their skills and guide them towards success (Bass, 1985:30-33). Similarly, Burns defines individualized consideration as leaders paying attention to their followers' personal goals, needs, and values, understanding them, and treating them accordingly. In this sense, leaders must also comprehend their followers' characteristics and motivate and support them by utilizing their strengths effectively (Burns, 1978:197-198).

2. Transactional Leadership

Transactional leadership is an approach where the leaders directly interact with their teams, understand the teams' needs and provide appropriate guidance. In this manner of leadership, leaders also encourage participation and interaction among team members, and allow team members to recognize their own needs, and discover and develop their abilities and potential to meet those needs. This type of leadership is thought to be essential for the long-term career development of team members.

The main philosophy of transactional leadership is based on mutual exchange between the leader and followers. As suggested by Brestrich, in this type of leadership, followers are motivated by the promises, rewards, and reinforcement methods of leaders, or corrected through means such as negative feedback, disciplinary measures, and reprimands (Brestrich, 1999:114). That is, in transactional leadership, the leaders provide followers with what they desire in exchange for what they want to achieve. Therefore, the relationship between leaders and followers involves mutual dependence. However, for this dependence to prove fruitful, it is crucial for followers to fulfill the requests of their leaders. On the other hand, reciprocity frequently necessitates leaders to meet the expectations of their followers. In short, in transactional leadership, success depends on the extent to which the leaders can meet the shifting needs of their followers (Kirby, Paradise, 1999:303; cited in Eraslan, 2004:6).

Sub-dimensions of Transactional Leadership

i. Contingent Reward

Latham and Pinder state that the concept of contingent rewards refers to a reward system that includes rewards presented to team members when a specific task is accomplished. The rewards are used to improve team members' performance and motivate them to exert more effort. However, the authors emphasize that the rewards alone are not sufficient, and leaders need to engage with team members and utilize various other tools to motivate them. These tools may include providing feedback to team

members, meeting their needs, and increasing their commitment to the job (Latham, Pinder, 2005:174-177; Bass, 1985:166-170).

ii. Active Management by Exception

Lowe and Howell define active management by exception as a leadership approach in which leaders closely monitor the performance of team members and intervene when necessary. More specifically, active management by exception involves leaders tracking the errors and challenges of team members and providing help when needed. This leadership style enhances the performance of team members while also increasing the leaders' influence. Additionally, this approach enables leaders to engage in one-on-one communication with team members and invest in their development (Lowe, Howell, 2014:364-366).

iii. Passive Management by Exception

Avolio and Bass define passive management by exception as a leadership approach in which leaders grant team members freedom in performing specific tasks. Leaders allow team members to solve their own problems and make their own decisions but intervene when necessary. This leadership style can enhance the self-confidence of team members and enable them to develop themselves. However, the lack of intervention by the leaders may lead to hesitation among team members and potentially lower their performance (Avolio, Bass, 2004:61-62).

3. Laissez-faire Leadership

Bass defines laissez-faire leadership as leaders granting authority to team members and allowing them to take on their responsibilities. In this leadership style, leaders trust and support the team members, and do not exert control. Laissez-faire leadership approach is asserted to support the development of team members and create an environment where they can potentially replace leaders. Furthermore, laissez-faire leadership can increase the self-confidence of team members and enhance the performance of the organization (Bass, 1990:65-66). According to Burns, laissez-faire leadership is characterized by the leaders trusting team members and granting them authority. Leaders guide and support team members while also giving them enough freedom to facilitate their development (Burns, 2010:403-404).

The Consequences of Leadership Attitudes and Behaviors

1. Extra Effort

Barbuto and Wheeler define extra effort as team members going beyond their normal responsibilities to achieve a higher level of performance. Extra effort may be encouraged through leaders by clearly defining goals for team members and providing them with the necessary resources to accomplish those goals. Additionally, leaders can stimulate team members for extra effort by rewarding them and providing them with positive feedback (Barbuto, Wheeler, 2006: 93-96).

2. Effectiveness

Bass and Avolio associate the effectiveness of leaders with different strategies they use to enhance the performance of their team members. For example, leaders can employ idealized influence strategies to guide, support, and inspire their team members. Additionally, leaders can enhance their team members' effectiveness by demonstrating a strong vision and exhibiting effective leadership attitudes and behaviors (Bass, Avolio, 1994:69-71). Riggio also defines effectiveness based on the leadership attitudes and behaviors that leaders utilize to achieve successful outcomes in organizations (Riggio, 2013:327-329).

3. Satisfaction

Yukl defines satisfaction as the sense of fulfillment that leaders experience by meeting their own needs as well as the needs of their team members. By meeting their needs, leaders can also increase the team members' satisfaction level. However, to achieve this, leaders should regularly communicate with team members, show respect for their ideas, and support their personal goals (Yukl, 2013:345-347). Bass and Avolio, on the other hand, define satisfaction based on the strategies employed to understand the team members' needs, meet those needs, and support them in their duties. Leaders can enhance team members' satisfaction by developing creative solutions to help them with their challenges (Bass, Avolio, 1994:71-73).

The purpose of the study

The aim of the research is to determine the relationships between the Leadership Dimensions, ages, genders, and years of service of Medical Managers located in Ankara. For this purpose, we employ the Multifactor Leadership Questionnaire-MLQ 5X-SHORT, developed by Bernard Bass and Bruce Avolio (1995). The Multifactor Leadership Questionnaire used is based on a Likert-type scaling and consists of a total of 45 questions. Each question has 5 options: never, rarely, sometimes, often, and always or very

frequently. Each question is scored on a scale of 0 to 4, with 0 being the lowest and 4 being the highest score that can be obtained from the entire scale.

To comprehend the relationship between the Leadership Dimensions of Medical Managers and their ages, genders, and years of service, three questions pertaining to the identities of participants are also added to the questionnaire. The research was conducted in 2020 and applied to 148 medical company managers located in Ankara.

Key findings and assesment

Table 1 reflects the ages of the managers participating in the study. As can be seen from Table 1, 62.1% of the managers are in the age range of 30 to 44 years old. Hence, the most valuable result that can be inferred from Table 1 is that the average age of medical managers working in the sector is quite young.

Table 1.

Numbers and Percentages Regarding the Age Groups of Managers

Age	Number of Managers	Percentage
Under 25	7	4,70
25-29	12	8,10
30-34	25	16,90
35-39	36	24,30
40-44	31	20,90
45-49	25	16,90
Above 50	12	8,10
Total	148	100,00

Table 2 reflects the leadership dimensions scores for the managers participating in the study. As seen in Table 2, the average score and standard deviation of 144 managers for the idealized influence-attitude sub-dimension of transformational leadership are 2.81 and 0.73, respectively. The average score and standard deviation for the idealized influence-behavior sub-dimension are 2.66 and 0.71, respectively. The average score and standard deviation of 145 managers for the inspirational motivation sub-dimension are 2.83 and 0.78, respectively. The average score and standard deviation of 146 managers for intellectual stimulation sub-dimension are 2.61 and 0.68, respectively. Lastly, the average score and standard deviation of 141 managers for the sub-dimension of individual consideration are 2.82 and 0.67, respectively.

On the other hand, as seen in Table 2, the average score and standard deviation of 148 managers for contingent reward sub-dimension of transactional leadership are 2.60 and 0.71, respectively. The average score and standard deviation of 143 managers for the active management by exception sub-dimension are 2.38 and 0.77, respectively. Finally, the average score and standard deviation of 147 managers for the passive management by exception sub-dimension are 1.39 and 0.84, respectively.

Finally, as seen in Table 2, the average score and standard deviation of 145 managers for the laissez-faire leadership are 1.10 and 1.05, respectively.

Table 2.

Leadership Dimensions Scores for the Medical Managers

Leadership Dimensions	Number of Managers	Minimum	Maximum	Average	Standard Deviation
Transformational Leadership					
Idealized Influence-Attitude	144	0,25	4,00	2,8108	0,72616
Idealized Influence-Behavior	147	0,75	4,00	2,6565	0,70663
Inspirational Motivation	145	0,75	4,00	2,8276	0,77813
Intellectual Simulation	146	0,50	4,00	2,6110	0,67720
Individual Consideration	141	0,50	4,00	2,8191	0,66956

Transactional Leadership					
Contingent Reward	148	0,50	4,00	2,5980	0,70989
Active Management by Exception	143	0,50	3,50	2,3776	0,76905
Passive Management by Exception	147	0,00	4,00	1,3918	0,84121
Laissez-fair Leadership	145	0,00	3,50	1,1007	1,05167

Empirical findings show that for the case of transformational leadership style, the 35-39 age group has the highest average score of 2,95 for idealized influence-attitude sub-dimension, the highest average score of 2,74 for idealized influence-behavior sub-dimension, the highest average score of 2,94 for the of inspirational motivation sub-dimension (2.94), and the highest average score of 2,69 for the intellectual stimulation sub-dimension. On the other hand, the 40-44 age group has the highest average score of 2,89 for individual consideration sub-dimension.

The empirical findings also show that for the case of transactional management style, the 35-39 age group has the highest average score of 2,65 for contingent reward sub-dimension. The same age group also has the highest average score of 2,45 for active management by exception sub-dimension. On the other hand, the under 25 age group has the highest average score of 1,51 for passive management by exception sub-dimension.

Finally, the empirical findings show that the under 25 age group has the highest average score of 1,55 for the laissez-faire leadership style.

Table 3 reflects empirical findings regarding outcomes of leadership attitudes and behaviors. As seen in Table 3, for 147 medical managers participating in the study, the average score for the extra effort is 3.14 with a standard deviation of 0.83. The average score for the sub-effectiveness is 3.13 with a standard deviation of 0.80. Finally, the average score for the satisfaction is 3.20 with a standard deviation of 0.82.

The empirical results differ significantly for the outcomes of leadership attitudes and behaviors with respect to the age groups of the managers. As can be seen from Table 3, the 35-39 age group exhibits the highest scores in all three outcomes of extra effort, effectiveness, and satisfaction with averages of 3.34, 3.36, and 3.37, respectively.

Table 3.
Average Scores of Medical Managers for the Consequences of Leadership Attitudes and Behaviors with respect to Age Groups

Age Groups/Scores		Extra Effort	Effectiveness	Satisfaction
25 -34	Average	3,0175	2,7237	3,0526
	Number of Managers	19	19	19
	Standard Deviation	1,02122	0,92757	0,98453
35-39	Average	3,3426	3,3681	3,3750
	Number of Managers	36	36	36
	Standard Deviation	0,67840	0,50880	0,48366
40-44	Average	3,0860	3,1532	3,3065
	Number of Managers	31	31	31
	Standard Deviation	0,85621	0,86284	0,88202
Above 45	Average	3,0765	3,1025	3,1066
	Number of Managers	61	61	61
	Standard Deviation	0,82864	0,83961	0,89029
Total	Average	3,1361	3,1293	3,2075
	Number of Managers	147	147	147
	Standard Deviation	0,82830	0,80418	0,82313

Table 4 presents average scores for the leadership dimensions with respect to age groups. As seen from the Table, the average score of 144 managers for the case of idealized influence-attitude sub-

dimension of transformative leadership is 2.81 with a standard deviation of 0.73. The average score of 147 managers for idealized influence-behavior sub-dimension is 2.65 with a standard deviation of 0.71. In the case of inspirational motivation sub dimension, the average score of 145 managers is 2.83 with a standard deviation of 0.78. The average score of 146 managers for the intellectual stimulation sub-dimension is 2.61 with a standard deviation of 0.68. Lastly, the average score of 141 managers for individual consideration sub-dimension of transformative leadership is 2.82 with a standard deviation of 0.67.

As seen from Table 4, the average score of 148 managers for the case of contingent reward sub-dimension of transactional leadership is 2.60 with a standard deviation of 0.71. The average score of 143 managers for active management by exception sub-dimension is 2.28 with a standard deviation of 0.77. The average score of 147 managers for passive management by exception sub-dimension is 1.39 with a standard deviation of 0.84.

Finally, Table 4 shows that the average score of 145 managers for the case of laissez-faire leadership is 1.10 with a standard deviation of 1.05.

An interesting finding of the study presented in Table 4 is that the most observed sub-dimension in the transformative leadership style is inspirational motivation (2.83), while the least observed sub-dimension is intellectual stimulation (2.61). The most prominent sub-dimension in the transactional leadership style is contingent reward (2.60), while the least prominent sub-dimension is passive management by exception (1.39). One of the most striking findings of the study, on the other hand, is that the least prevailing leadership type is laissez-faire (1.10). Hence, the overall evaluation of the empirical results presented in Table 4 suggests that the medical managers participating in the study tend to exhibit transformational leadership style. Furthermore, it appears the second preferred leadership type is transactional leadership style, while the least favored is the laissez-faire leadership style.

Table 4.

Average Scores for the Leadership Dimensions with respect to Age Groups

Leadership Dimension/ Age Group		Idealiz ed Influe nce- Attitu de	Idealiz ed Influe nce- Behavi or	Inspira tional Motiv ation	Intelle ctual Stimul ation	Individu al Conside ration	Contin gent Rewar d	Active Manage ment by Exception	Passive Manage ment by Exceptio n	Laisse z- Faire Leade rship
Under 25	Averag e	2,455 9	2,447 4	2,500 0	2,279 4	2,8056	2,526 3	2,3421	1,5132	1,552 6
	Number of Manag ers	17	19	19	17	18	19	19	19	19
	Standar d Deviati on	1,035 45	0,835 74	0,957 43	0,775 01	0,7354 2	0,869 61	0,71303	1,04905	1,101 07
35-39	Averag e	2,930 6	2,743 1	2,944 4	2,690 3	2,7714	2,652 8	2,4485	1,3643	1,107 1
	Number of Manag ers	36	36	36	36	35	36	34	35	35
	Standar d Deviati on	0,491 39	0,449 15	0,657 68	0,629 49	0,5921 4	0,638 85	0,74564	0,82324	1,040 16
40-44	Averag e	2,775 0	2,677 4	2,783 3	2,637 1	2,8929	2,588 7	2,4083	1,3952	1,125 0
	Number of Manag ers	30	31	30	31	28	31	30	31	30

	Standard Deviation	0,8313	0,80154	0,86785	0,65777	0,70194	0,77875	0,82128	0,82607	0,97766
Above 45	Average	61	2,6598	2,8833	2,6427	2,8167	2,5927	2,3333	1,3685	,9443
	Number of Managers	61	?	60	62	60	62	60	62	61
	Standard Deviation	0,66998	0,74026	0,72408	0,67580	0,69023	0,67483	0,78744	0,80624	1,06102
TOTAL	Average	2,8108	2,6565	2,8276	2,6110	2,8191	2,5980	2,3776	1,3918	1,1007
	Number of Managers	144	147	145	146	141	148	143	147	145
	Standard Deviation	0,72616	0,70663	0,77813	0,67720	0,66956	0,70989	0,76905	0,84121	1,05167

Table 5 is designed to reflect the ANOVA test results the leadership styles and their sub-dimensions. The ANOVA test results indicate that there is no significant preferential difference among the sub-dimensions of transformational leadership. Similarly, there is no significant preferential difference among the sub-dimensions of transactional leadership. Most importantly, there seems not to be a significant preferential difference between transformational, transactional, and laissez-faire leadership approaches.

Table 5.

ANOVA Test Results for the Leadership Dimensions

Leadership Dimension/ Age Group		Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.
Idealized Influence- Attitude/ Age Group	Between Groups	2,824	3	0,941	1,816	0,147
	Within Groups	72,582	140	,518		
	Total	75,406	143			
Idealized Influence- Behavior/ Age Group	Between Groups	1,115	3	0,372	0,740	0,530
	Within Groups	71,786	143	0,502		
	Total	72,901	143			
Inspirational Motivation/ Age Group	Between Groups	2,776	3	0,925	1,545	0,205
	Within Groups	84,414	141	,599		
	Total	87,190	144			
Intellectual Stimulation/ Age Group	Between Groups	2,179	3	0,726	1,604	0,191
	Within Groups	64,318	142	0,453		
	Total	66,497	145			
Individual Consideration/ Age Group	Between Groups	,236	3	0,079	0,172	0,915

Age Group	Within Groups	62,528	137	,456		
	Total	62,763	140			
Contingent Reward/ Age Group	Between Groups	,210	3	0,070	0,136	0,938
	Within Groups	73,869	144	0,513		
	Total	74,079	147			
Active Management by Exception/ Age Group	Between Groups	,341	3	0,114	0,189	0,904
	Within Groups	83,642	139	,602		
	Total	83,983	142			
Passive Management by Exception/ Age Group	Between Groups	,340	3	0,113	0,157	0,925
	Within Groups	102,975	143	0,720		
	Total	103,315	146			
Laissez-faire Leadership/ Age Group	Between Groups	5,393	3	1,798	1,647	0,181
	Within Groups	153,872	141	1,091		
	Total	159,265	144			

Conclusion

We can summarize the basic empirical results of the study as follows:

Age group-related findings suggest that the average age of the managers in the health sector is young. This result is assessed to have important implications for major leadership approaches and their sub-dimensions.

Age group-related findings also imply that the idealized influence-attitude, idealized influence-behavior, inspirational motivation, and intellectual stimulation sub-dimensions of transformational leadership type are most prevalent among the 35-39 age group. On the other hand, the individual consideration sub-dimension is most prevailing among the 40-44 age group.

Another age group-related finding is that contingent reward and active management by exception sub-dimensions of the transactional leadership are most prevalent among the 35-39 age group. However, passive management by exception sub-dimension is most prevalent in the under 25 age group.

The most striking finding of the study is that the laissez-faire leadership style is most prevalent among the under 25 age group. This finding suggests that the younger generation of managers is more willing to allow their followers to have the autonomy to make their own decisions.

The findings pertaining to the outcomes of the different leadership approaches indicate that extra effort, effectiveness, and satisfaction have significant importance for the 35-39 age group.

An interesting finding of the study is that in terms of sub-dimensions of transformational leadership approach, the inspirational motivation dimension is the most prevalent, while intellectual stimulation is the least prevalent sub-leadership style. This finding may suggest that intellectual management tools are not utilized enough in the management processes in the health sector, which may have discouraging implications for innovative initiatives and productivity in the sector.

On the other hand, among the sub-dimensions of transactional leadership, contingent reward is the most prevalent, while passive management by exception is the least prevalent. Such a finding may point to inadequate employee earnings in the sector.

Findings also suggest that when considering all age groups, the probability of observing laissez-faire leadership style is the lowest among major leadership approaches. Furthermore, findings based on average scores indicate that medical managers tend to exhibit transformational leadership style more than transactional and laissez-faire leadership. However, ANOVA test results do not support these findings.

References

1. Avolio, B. J., & Bass, B. M. (2004). Multifactor Leadership Questionnaire. Mind Garden.

2. Barbuto Jr., J. E., & Wheeler, D. W. (2006). *The Transformational Leader*. *Journal of Leadership and Organizational Studies*, 13(4), 93-96.
3. Bass, B. M. (1985). *Leadership and Performance Beyond Expectations*. Free Press.
4. Bass, B. M. (1990). From transactional to transformational leadership: Learning to share the vision. *Organizational Dynamics*, 18(3), 19-31.
5. Bass, B. M., & Avolio, B. J. (1994). *Improving Organizational Effectiveness Through Transformational Leadership*. Sage Publications.
6. Bass, B. M., & Riggio, R. E. (2006). *Transformational leadership*. New York: Psychology Press
7. Blanchard, K., & Hodges, P. (2005). *Lead Like Jesus: Lessons from the Greatest Leadership Role Model of All Time*. W Publishing Group.
8. Bresctick, E. (1999). Yönetim düşüncesinin evriminde liderliğin gelişimi ve dönüşümcü liderlik ve bir uygulama örneği. Yayınlanmış doktora tezi, Gazi Üniversitesi, Eğitim Bilimleri Enstitüsü, Ankara.
9. Burns, J. M., (1978). *Leadership*. Harper & Row.
10. Burns, J. M. (2010). *Leadership*. Open Road Media.
11. Eraslan, L., (2006). Liderlikte Post-Modern Bir Paradigma: Dönüşümcü Liderlik. *Uluslararası İnsan Bilimleri Dergisi* ISSN: 1303-5134 12/05, 1-32.
12. Kirby, P. C., Paradise, L. V., & King, M. I. (1992). Extraordinary leaders in education: understanding transformational leadership. *The Journal of Educational Research*, 85 (5), 303-311.
13. Laschinger, H. K. S., Wong, C., McMahon, L., & Kaufmann, C. (2014). Leader behavior impact on staff nurse empowerment, job tension, and work effectiveness. *Journal of Nursing Administration*, 44(5), 260-267.
14. Latham, G. P., & Pinder, C. C. (2005). *Work motivation in organizational behavior*. Psychology Press.
15. Lowe, K. B., & Howell, J. M. (2014). Active Management of Exceptional Opportunities. In D. V. Day (Ed.), *The Oxford Handbook of Leadership and Organizations* (pp. 364-366). Oxford University Press.
16. Makama, J. G., & Ameh, S. (2017). Leadership style and organizational commitment among health workers in Nigeria. *Journal of Health Management*, 19(3), 439-450.
17. Maxwell, J. C. (2011). *The 5 Levels of Leadership*. Center Street.
18. Northouse, P. G. (2018). *Leadership: Theory and practice*. Sage Publications.
19. Rafferty, A. M., Ball, J., & Aiken, L. H. (2018). Are transformations in healthcare leadership and governance in Europe improving care for patients? A qualitative account. *Journal of Health Services Research & Policy*, 23(1_suppl), 10-18.
20. Riggio, R. E. (2013). *Introduction to Industrial/Organizational Psychology*. Routledge.
21. Yukl, G. (2013). *Leadership in Organizations*. Pearson Education Limited.
22. Weng, R. H., Chen, J. J., Shu, Y. H., & Lin, Y. T. (2019). The effects of transformational leadership, organizational climate, and job satisfaction on organizational commitment in the healthcare industry. *BMC Health Services Research*, 19(1), 870.

Technical sciences

ANALYSIS OF THE STRENGTH OF SUPPORTED SECTIONS OF HOLLOW SLABS: METHODS TO ENHANCE STRUCTURAL RELIABILITY

Musabayeva Alfiya

master student, 2nd year

Toraighyrov University, The Republic of Qazaqstan

Kuandyk Sakanov

scientific adviser

Toraighyrov University, The Republic of Qazaqstan

АНАЛИЗ ПРОЧНОСТИ ПРИОПОРНЫХ УЧАСТКОВ ПУСТОТНЫХ ПЛИТ: СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ НАДЕЖНОСТИ КОНСТРУКЦИЙ

Мусабаева А.Е.

магистрант 2 курса

Торайгыров университет, Республика Казахстан

Саканов К.Т.

научный руководитель

Торайгыров университет Республика Казахстан

Abstract

The article presents an analysis of the strength of supported sections of hollow slabs with the aim of identifying methods to enhance the reliability of structures. The study focused on the multi-cavity slab of series 1.141-1. Strength calculations were carried out using the ARBAT software package, integrated into the SCAD 21.1.7.1 PC.

Modern methods and algorithms were applied in the analysis, taking into account the requirements of relevant norms and standards. Various options for transverse reinforcement were considered, considering the specific characteristics of the structure and desired strength characteristics.

The obtained results allowed for the determination of optimal solutions for enhancing the reliability of hollow slab structures in supported sections. Additionally, checks were conducted to ensure compliance with ultimate conditions and material deformation limits.

The article provides tables and graphs illustrating the obtained strength analysis results and methods to enhance structure reliability. The conducted research provides valuable information for designers and builders, enabling them to apply optimal solutions to ensure the reliability of supported sections of hollow slabs.

Аннотация

В данной статье проведен анализ прочности приопорных участков пустотных плит с целью выявления способов повышения надежности конструкций. В качестве объекта исследования была выбрана многопустотная плита серии 1.141-1. Расчеты прочности были выполнены с использованием программного комплекса АРБАТ, включенного в состав ПК SCAD 21.1.7.1.

В ходе анализа были применены современные методы и алгоритмы, учитывающие требования соответствующих норм и стандартов. Были рассмотрены различные варианты поперечного армирования, учитывая особенности конструкции и желаемые прочностные характеристики.

Полученные результаты позволили определить оптимальное решение для повышения надежности конструкции пустотных плит приопорных участков. Дополнительно были проведены проверки на соответствие предельным состояниям и предельной деформации материала.

В статье представлены таблицы, иллюстрирующие полученные результаты анализа прочности и способы повышения надежности конструкций. Проведенные исследования представляют значимую информацию для проектировщиков и строителей,

позволяя применять оптимальные решения для обеспечения надежности конструкций приопорных участков пустотных плит.

Keywords: supported section, inclined section, transverse reinforcement, strength, reliability, strength utilization factor.

Ключевые слова: приопорный участок, наклонное сечение, поперечная арматура, прочность, надежность, коэффициент использования прочности.

Основная часть. Пустотные плиты имеют широкое распространение в промышленном и гражданском строительстве. В связи с разным назначением и условием эксплуатации зданий увеличивается и уровень нагружения элементов междуэтажных перекрытий, в частности плит перекрытий, вследствие чего повышаются требования к прочности их приопорных участков. Что вызывает особое внимание конструированию приопорных участков плит, хотя считается что данный вопрос является исчерпанным. В то же время имеет место обрушения приопорных участков плит по различным причинам. На сегодняшний день в качестве усиления опорных зон многопустотных плит применяются такие методы, как: заделка пустот бетонными пробками; увеличение толщины продольных ребер в опорных зонах путем заведения металлических пустотообразователей с противоположных сторон при изготовлении плиты; механизированная заделка пустот в заводских условиях путем добетонирования с вибропригрузом опорных участков плит. При этом каждый метод заделки пустот имеют ряд недостатков. Кроме того, нормами предусмотрены: минимальная площадь опирания плит, анкеровка рабочей арматуры, косвенное армирование приопорных участков плит и др. Поэтому определение наиболее эффективного метода расчета приопорных участков, выполнение обязательных конструктивных требований, как практически, так и экономически остается актуальной проблемой на сегодняшний день.

Метод заделки пустот бетонными пробками является самым распространенным. Однако при использовании данного метода усиления трудно контролировать качество заделки пустот и качество опорных поверхностей плит, что можно отнести к значимым недостаткам. Кроме того, для использования этого метода необходимы большие трудо- и энергозатраты.

В 1969 году Ю.В.Барковым была разработана модель многопустотной плиты, особенностью которой является то, что при изготовлении плит пустотообразователи не доводятся до опорной зоны через одну пустоту.

При этом заводят их с двух противоположных сторон. Разработанная панель перекрытия имеет аналогичную прочность опорного сечения, что и сплошное бетонное сечение. Данный фактор значительно повышает прочность опорной зоны плиты.

В 1983 году ЦНИИСК совместно с ЦНИИЭП жилища испытывали платформенные стыки. Они изучали прочность платформенных стыков панелей стен с многопустотными плитами перекрытий разработанными Ю.В. Барковым. В ходе исследования было установлено, что конструктивное решение плит перекрытий, опорная часть которых имеет следующие характеристики: толщина 22 см, диаметр отверстия 139 мм и шаг пустот 23 см, повышает прочность платформенных стыков на 30%, в отличие от плит перекрытий с диаметром отверстий 159 мм. Также было установлено, что при увеличении шага пустот в опорной зоне с 23 см до 46 см прочность повышается более чем в 2 раза.

Третьим способом повышения прочности пустот является механизированная заделка пустот в заводских условиях путем добетонирования с вибропригрузом опорных участков плит. Суть данного метода заключается в следующем: на один из торцов плиты укладывается определенное количество бетонной смеси, объем которой соответствует объему пустот на опорных участках плит при ширине пустот 15-20 см. Под давлением специального вибробруса смесь продавливают верхнюю грань плиты, заполняет пустоты в ее опорной зоне и уплотняется. Один из недостатков данного способа заключается в том, что при уплотнении бетонной смеси происходит частичное обрушение бетонных ребер.

В 1985 году на заводе в г.Сыктывкар был улучшен вышеуказанный метод усиления опорной части плиты. В процессе формования плиты бетонная смесь, уложенная на один из ее торцов и предназначенная для заделки пустот, уплотняется с помощью игольчатых вибраторов, установленных над пустотами плит. При данном способе можно избежать разрушения опорных

участков бетонных ребер и обеспечить надежную работу конструкции как изгибаемого элемента.

В том же году были проведены исследования по методике ЦНИИСК. В этот раз в качестве образцов были использованы плиты перекрытий, с уменьшенным диаметром пустот в опорной части; плиты, изготовленные на заводе по вышеуказанному методу и плиты, у которых отверстия диаметром 127 мм в опорной части не заделывались бетоном.

Прочность приопорных участков изгибаемых элементов, в частности прочности наклонного сечения, посвящены работы профессоров, д.т.н. А.С. Залесова, Н.И. Карпенко, М.С. Торяник, В.Н. Байкова и др.

Анализ научной литературы, посвященной разработке проблемы повышения прочности опорных участков пустотных плит, позволяет сделать следующие выводы применение технологий описанных в данной статье позволяют оптимизировать строительный процесс и повышают прочность на приопорных участках, тем самым обеспечивает современные потребности в строительстве. В то же время совершенствование расчета прочности наклонных сечений приопорных зон все еще остается одной из актуальных задач расчета изгибаемых железобетонных элементов.

С целью изучения данного вопроса нами был выполнен расчет прочности наклонного сечения многопустотной плиты. Расчет был выполнен на примере плиты по серии 1.141-1. Для выполнения расчетов прочности был использован программный комплекс АРБАТ, включенный в состав ПК SCAD 21.1.7.1. Расчеты проводились с учетом различных вариантов поперечного армирования. На рисунке 1 показаны геометрические характеристики элемента.

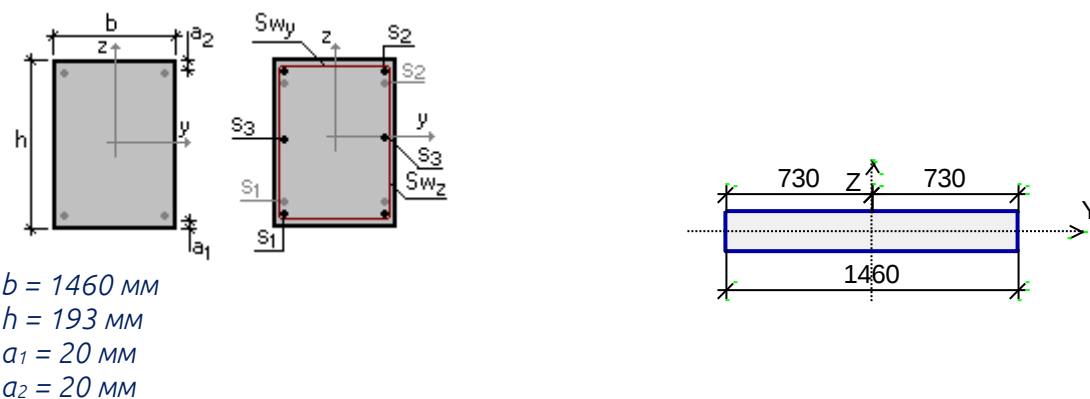

Рисунок 1 – Геометрические характеристики рассчитываемого элемента

В ходе расчетов были применены современные методы и алгоритмы, реализованные в программном комплексе АРБАТ, исходя из требований соответствующих норм и стандартов. Варианты поперечного армирования были заданы с учетом особенностей конкретной конструкции и желаемых прочностных характеристик.

В результате расчетов были получены значения прочности наклонного сечения многопустотной плиты для каждого варианта поперечного армирования. При анализе результатов было выявлено оптимальное решение, соответствующее требованиям прочности и деформационных характеристик конструкции. Дополнительно были проведены проверки на соответствие предельным состояниям, таким как предельная деформация и прочность материала. Все расчеты и анализы были выполнены в соответствии с требованиями нормативных документов и стандартов. Таким образом, результаты расчетов представляют надежную основу для дальнейшего проектирования и строительства данной многопустотной плиты.

Анализ расчетов, выполненных в программном комплексе АРБАТ в рамках ПК SCAD 21.1.7.1, позволили провести анализ прочности с учетом различных вариантов поперечного армирования и определить оптимальные параметры для конкретной конструкции. Полученные результаты являются основой для принятия решений при проектировании обеспечивая надежность и экономическую эффективность. В таблице 1 приведены коэффициенты использования прочности наклонного сечения по результатам выполненных расчетов.

Таблица 1

Коэффициент использования прочности наклонного сечения

№	Класс бетона	Диаметр и класс поперечной арматуры	Коэффициент использования прочности наклонного сечения
1	B20	Ø3BpI	0,776
2	B20	Ø4BpI	0,695
3	B20	Ø5BpI	0,614

Анализ результатов расчетов производили по значениям коэффициентов использования прочности наклонного сечения.

Коэффициент использования является существенным параметром, влияющим на прочность и надежность строительных элементов. Этот коэффициент отражает соотношение между фактическими нагрузками, которым подвергается элемент, и его расчетной несущей способностью.

Повышение коэффициента использования может иметь положительные эффекты. Во-первых, это позволяет более эффективно использовать материалы и ресурсы, что приводит к экономии затрат. Во-вторых, более полное использование возможностей элементов повышает их производительность и функциональность.

Однако, важно учесть, что превышение определенного значения коэффициента использования может привести к снижению прочности и потере надежности элемента. Для обеспечения безопасности конструкций необходимо устанавливать соответствующие ограничения на его значение и тщательно контролировать превышение этих пределов.

Оптимальное значение коэффициента использования зависит от множества факторов, таких как тип нагрузок, материалы, конструктивные решения и условия эксплуатации. При разработке конструкций необходимо проявлять баланс между надежностью и экономической эффективностью, чтобы сохранить высокую производительность элементов при минимальных затратах.

Заключение. Коэффициент использования оказывает значительное влияние на прочность элемента. Повышение его значения может принести экономические и функциональные выгоды, однако следует тщательно контролировать его превышение, чтобы избежать потери надежности и возможных разрушений. Определение оптимального значения коэффициента использования требует учета множества факторов и баланса между надежностью и экономической эффективностью.

References

1. Copyright certificate No. 248180 A1 USSR, IPC E04C 2/06, E04B 5/04. Floor panel : No. 949636/29-14 : App. 03/29/1965: publ. 08/10/1969 / Yu. V. Barkov; applicant Central Research and Design Institute for Standard and Experimental Design of Dwellings. – EDN WLOVXQ. [Published in Russian]
2. Kameiko V.A., Granovsky A.V., Agranovsky V.D. et al. Increasing the strength of platform joints // Concrete and reinforced concrete. - 1983. - No. 5. - S. 23-24. [Published in Russian]
3. Granovsky A. V. et al. Increasing the strength of the supporting zones of multi-hollow floor slabs // Concrete and reinforced concrete. - 1985. - no. 2. - S. 18-19. [Published in Russian]
4. Kuksha LL Calculation of the strength of bending elements along inclined sections // Beton and reinforced concrete. - 1981. - no. 1. - S. 37. [Published in Russian]
5. Zalesov AS, Chistyakov EA, Laricheva I. Yu. Deformation design model of reinforced concrete elements under the action of bending moments and longitudinal forces // Concrete and reinforced concrete. - 1996. - no. 5. - S. 16-18. [Published in Russian]
6. Zalesov A. S. Brief notes on the calculation of reinforced concrete structures for the action of bending moments and longitudinal forces // М., OJSC TsPP. – 2008. [Published in Russian]

DEVELOPMENT OF RESOURCE SAVING TECHNOLOGY TO IMPROVE QUALITY PROPERTIES OF COSTUME PARTS**T.G. Mirzoev****R.T. Mirzoev***Azerbaijan Technological University***РАЗРАБОТКА РЕСУРСОСБЕРЕГАЮЩЕЙ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ СВОЙСТВА ДЕТАЛЕЙ КОСТЮМА****Т.Г. Мирзоев****Р.Т. Мирзоев***Азербайджанский Технологический Университет*

При изготовлении современной одежды из полимерных материалов возможно использование ресурсосберегающей технологии, которая позволяет разнообразить отделку деталей, дает возможность сократить расходы по утилизации межлекальных выпадов, решать экологические вопросы окружающей среды. Рассмотрена возможность создания новых полимерных материалов для повышения качественных свойства деталей костюма.

Одним из способов сокращения отходов и загрязнения окружающей среды в индустрии моды является использование альтернативных тканей.

Натуральные волокна, такие как хлопок, являются ресурсоемкими. Для изготовления одной хлопчатобумажной рубашки требуется 713 галлонов воды — примерно столько, сколько один человек выпивает за 2,5 года. Синтетические материалы, такие как акрил, полиэстер и нейлон, разлагаются очень медленно и могут содержать вредные химические вещества.

Некоторые модные бренды обращаются к сельскохозяйственным отходам, таким как листья и кожура, для создания более экологичных текстильных альтернатив.

Например, британская компания Ananas Apat превращает листья ананаса в кожаный текстиль под названием Piñatex. Волокна извлекаются из листьев ананаса и после обработки образуют нетканую сетку, образующую основу текстиля[7].

Ananas Apat не использует никаких веществ, опасных для окружающей среды, а ее нетканая сетка поддается биологическому разложению.

Стартап привлек внимание нескольких известных дизайнеров — бренд мужской одежды Hugo Boss выпустил кроссовки ограниченной серии с использованием Piñatex.

Еще одним стартапом, исследующим биоразлагаемые ткани, является итальянская компания Orange Fiber. Компания извлекает целлюлозу из кожуры апельсинов, выжатых из сока, и превращает ее в материал, напоминающий шелк. В сочетании с другими видами пряжи из этого волокна можно изготавливать одежду. Итальянский модный бренд Salvatore Ferragamo в 2017 году выпустил капсульную коллекцию платьев, брюк и рубашек из оранжевого волокна.

На данный момент натуральные текстильные материалы, похоже, ориентированы на малообъемные и дорогостоящие бренды, такие как Hugo Boss и Ferragamo. Крупным брендам могут потребоваться дополнительные инвестиции, чтобы адаптировать эти текстильные изделия к их массовым требованиям.

Из-за использования хлопка и другого сельскохозяйственного сырья индустрия моды и ее цепочки поставок напрямую связаны с деградацией почв и утратой биоразнообразия.

Теперь модные бренды начинают обращать внимание на регенеративное сельское хозяйство, чтобы обуздать это негативное воздействие на окружающую среду.

Регенеративное сельское хозяйство направлено на восстановление здоровья почвы с помощью таких методов, как компостирование, отказ от синтетических удобрений и пестицидов и посадка культур, которые растут круглый год, чтобы обогатить почву и предотвратить эрозию. Возникающее в результате естественное поглощение CO₂ могло бы помочь обратить вспять последствия изменения климата[5].

Французский люксовый бренд Kering заключил партнерство с Savory Institute, некоммерческой организацией, поддерживающей регенеративное сельское хозяйство, чтобы помочь выявить и развить сеть регенеративных ферм.

Компания Kering, которая надеется сократить свое воздействие на окружающую среду на 40% в течение следующих 6 лет, будет использовать методологию проверки экологических результатов Savory (EOV) в своих цепочках поставок кожи, шерсти и кашемира. EOV отслеживает функциональность экосистем для оценки состояния земель и сельскохозяйственных систем, которые поддерживают производство этих материалов, что поможет Kering построить более устойчивую и прозрачную цепочку поставок.

Керинг и Институт Сэйвори надеются, что созданная в результате сеть ферм послужит примером восстановительных практик для других компаний, которым можно будет следовать, чтобы они могли быть включены в цепочки поставок одежды и предметов роскоши в более широком масштабе.

Другие бренды, такие как Patagonia и Prana, также инвестируют в регенеративное земледелие. Обе компании являются союзниками Regenerative Organic Alliance (ROA), который работает над созданием сертификации Regenerative Organic, чтобы установить стандарт для того, что юридически может квалифицироваться как регенеративное земледелие.

Генеральный директор Patagonia Роуз Маркарио является членом правления ROA, и компания работает над пилотными проектами, чтобы сделать существующие фермы по выращиванию органического хлопка в Индии полностью регенерирующими. Компания надеется включить регенерирующий хлопок с ферм в свои продуктовые линейки в течение следующих 6 сезонов.

Регенеративное земледелие представляется многообещающим решением проблем устойчивого развития индустрии моды, но ему все еще предстоит преодолеть значительные препятствия. Как только сертификация ROA будет завершена, ее получение приведет к дополнительным затратам для фермеров.

Поскольку процесс преобразования органической фермы в полностью регенерирующую занимает несколько лет, фермерам может быть трудно инвестировать без того, чтобы бренд платил премию. Модные компании должны быть готовы поддерживать фермеров, у которых нет финансовых ресурсов для перехода на методы регенерации[6].

Чтобы сократить количество отходов одежды и текстиля, индустрия моды внедряет экономику замкнутого цикла — переход от линейной системы “бери-производи-отходы” к восстановительной, которая устранивает отходы, сохраняет материалы и изделия в использовании как можно дольше и восстанавливает окружающую среду.

Ведущие бренды, такие как Burberry, Gap, H&M, Nike и Stella McCartney, объединили усилия для создания инициативы Make Fashion Circular, целью которой является переход сектора моды к циклической модели работы. Бренды работают с городскими властями, производителями одежды и дизайнерами, чтобы сосредоточиться на бизнес-моделях, которые сохраняют одежду в употреблении, используют больше возобновляемых материалов и перерабатывают старую одежду в новую.

Например, Make Fashion Circular объединилась с Нью-Йорком для запуска кампании #WearNext, в рамках которой участвующие магазины служат пунктами выдачи старой, ненужной одежды. Оттуда одежда перерабатывается в новые предметы вместо того, чтобы попасть на свалки.

Стартапы в отрасли также работают над внедрением малоотходных циклических практик. Бренд футболок For Days, который привлек начальное финансирование в размере 5 млн долларов, предполагает систему с нулевыми отходами и замкнутым циклом.

Благодаря программе членства клиенты могут возвращать свои бывшие в употреблении футболки в обмен на новые так часто, как они захотят, что делает модель хорошо подходящей для потребителей быстрой моды. Компания перерабатывает эти рубашки для изготовления других рубашек.

Некоторые бренды внедряют инновации, создавая новые материалы, в том числе новозеландская Fomagu, которая создает новые текстильные изделия из отходов волокна, такие как WoJo (шерсть с джутом из мешков для кофе Starbucks), Juton (джут и хлопок) и Mibu (шерсть с рисовой соломой, отходы сжигания после сбора урожая риса).

Компания H&M совместно с Гонконгским научно-исследовательским институтом текстиля и одежды разработала гидротермальный метод переработки смесей хлопка и полиэстера в новые волокна. Это новшество внедряется на практике на предприятиях H&M по переработке текстиля в Гонконге[4].

Другие бренды сосредоточены на переработке переработанных материалов в одежду.

Лондонская компания *Petit Pli* создала линию детской одежды, изготовленной из переработанной ткани и состоящей из одного волокна, что облегчает ее переработку. Но что делает линию одежды уникальной, так это плиссированный дизайн, который растягивается как по горизонтали, так и по вертикали, позволяя одежде *Petit Pli* расти по мере роста детей. *Petit Pli* не только поощряет циклическую экономику, но и позволяет избежать расточительности при постоянной покупке одежды, которую дети легко перерастают.

Шнурки для обуви *Allbirds* и кроссовки *Adidas Ultra Boost Parley* изготовлены из переработанных пластиковых бутылок.

Спортивная одежда *Girlfriend Collective* изготовлена из переработанных рыболовных сетей и купро-волокна, получаемого из хлопчатобумажных отходов.

Испанский бренд *Ecoalf* использует переработанные шины для своих шлепанцев и переработанный хлопок для своих рубашек.

Переход к экономике замкнутого цикла может принести огромные экологические выгоды в долгосрочной перспективе.

Фонд Эллен Макартур утверждает, что "путь развития экономики замкнутого цикла может сократить вдвое выбросы углекислого газа [в Европе] к 2030 году по сравнению с сегодняшним уровнем" и сократить потребление первичных материалов, таких как топливо, пестициды, синтетические удобрения и сельскохозяйственная вода, на 53% в 2050 году[3].

Кроме того, экономика замкнутого цикла может обеспечить новые источники дохода для модных компаний за счет повторного использования одежды, которая в противном случае была бы выброшена — индустрия моды может получить около 560 миллиардов долларов от переработки одежды, которая в настоящее время либо используется недостаточно, либо сжигается.

Но для создания экономики замкнутого цикла потребовался бы другой тип цепочки поставок — такой, которая забирала бы продукты обратно, а не выбрасывала их. Бренды должны стимулировать покупателей и сделать так, чтобы им было удобно возвращать старую или бывшую в употреблении одежду, как в случае с моделью *Days*.

Замыкание цикла также может быть сложным, затяжным процессом, масштабирование которого может оказаться непростой задачей.

Например, *Futurecraft*. Кроссовки для бега *Loop performance*, которые все еще находятся в режиме бета-тестирования, *Adidas* создавала пять лет. Он изготовлен из цельного полимера, который легко перерабатывается, но компании еще предстоит разработать подходящий процесс переработки — от сбора использованных кроссовок до повторного использования материала, из которого они изготовлены[2].

Автоматизация открывает возможности для местной цепочки поставок, которая требует меньшего объема транспортировки и может привести к снижению загрязнения окружающей среды. Это также могло бы свести к минимуму опасения по поводу условий труда на оффшорных производственных объектах.

С этой целью швейные роботы (или "sewbots") заявляют о своем присутствии на производстве, помогая во всем - от прядения и ткачества ткани до сборки готовых полотенец, подушек и даже футболок.

Стартап *Sewbo* на ранней стадии разработки разработал промышленного робота, который работает с временно затвердевшими тканями для пошива полностью собранной рубашки. С другой стороны, швейные роботы *Softwear Automation* оснащены вакуумными роботизированными захватами, которые подают ткань в швейную машину, соответствующим образом регулируя ее с помощью машинного зрения.

По оценкам глобальной инициативы *Fashion for Good*, направленной на то, чтобы сделать моду более устойчивой, швейные роботы *Softwear Automation* могут помочь снизить выбросы примерно на 10% за счет создания продуктов, приближенных к потребителям, и сокращения отходов материалов.

Технология 3D-печати также может помочь автоматизировать производственный процесс.

Компания *Adidas* объединилась со стартапом по производству 3D-принтеров *Carbon* для создания подошв с 3D-печатью для своей обуви *Futurecraft 4D*. Другие игроки отрасли выпускали обувь в том же духе, в том числе кроссовки *Under Armour Architech* с 3D-печатью амортизации и поддержки, а также кроссовки *Reebok Liquid Floatride* для бега с 3D-печатью подошвы и шнурков.

3D-печать может оказать еще большее влияние в сочетании с экологически чистыми материалами. Например, технология Cosyflex от Taticage позволяет производить 3D-печать готовых тканей из натурального латекса и вискозных волокон. Это устраняет отходы при раскрое и обрезке, а также устраняет химическую опасность процесса окрашивания тканей.

Розничные торговцы быстрой модой, в частности, могли бы извлечь выгоду из автоматизированного производства, которое позволило бы им производить одежду более быстрыми темпами. Развивающиеся бренды, такие как Fashion Nova, стали лидерами в так называемой тенденции "сверхбыстрой моды".

Компания сотрудничает с производителями одежды, расположенными недалеко от ее штаб-квартиры в Лос-Анджелесе, что позволяет быстрее создавать прототипы. Благодаря автоматизированному производству процесс может ускориться еще больше, особенно в условиях постоянно меняющейся моды, где модный дизайн сегодня может оказаться непопулярным завтра. Это позволило бы розничным торговцам реагировать на новые тенденции моды и производить товар быстрее, чем традиционными способами[1].

Но хотя автоматизация может сократить выбросы и улучшить условия труда, это может произойти за счет рабочих мест людей. Согласно отчету Международной организации труда за 2016 год, 86% наемных работников швейной промышленности Вьетнама подвергаются высокому риску автоматизации. То же самое верно для 88% наемных работников швейной промышленности Камбоджи.

С появлением "медленной моды", движения, ориентированного на экологически чистые материалы и справедливые условия труда, потребители становятся более осведомленными о том, как и где изготавливается их одежда.

Технология блокчейн обладает потенциалом для решения этой проблемы, позволяя отслеживать цепочку поставок путем записи каждого шага в децентрализованном распределенном реестре.

Лондонский дизайнер Мартина Ярлгаард сотрудничала с блокчейн-стартапом Provenance для проверки концепции внедрения блокчейна в цепочку поставок модной одежды. Отсканировав смарт-этикетку одежды, потребители могут просмотреть цифровую историю жизненного пути изделия - от стрижки шерсти альпаки на ферме до вязания и сборки в студии дизайнера.

SourceMar, платформа социальной сети для цепочки поставок, позволяет фермерам, текстильным фабрикам и швейным фабрикам общаться с брендами, используя их продукты и услуги. SourceMar объединилась с Provenance, используя технологию блокчейна компании для проверки коммуникаций между брендами и поставщиками.

Тем временем EON создала цифровую нить, которая выглядит и ощущается как обычная нить, но использует технологию RFID для хранения информации о том, из чего сделана одежда. Компания Applied DNA Sciences создала систему маркировки для маркировки и отслеживания тканей, волокон и пряжи по всей цепочке поставок.

Эти приложения все еще находятся на стадии прототипирования или коммерциализации. Им может потребоваться больше времени для доработки, и может пройти некоторое время, прежде чем они станут мейнстримом.

Но усилия по созданию более прозрачной цепочки поставок могли бы обеспечить подотчетность брендов, укрепить доверие к бренду и привлечь потребителей, которые хотят получить доказательства того, что бренды, которые они поддерживают, используют экологически устойчивые материалы и процессы[5].

Более 65% потребителей готовы платить больше за экологически чистые продукты, при этом 42% миллениалов и 37% представителей поколения Z заявили, что хотят знать, что входит в состав продуктов и как они производятся, прежде чем покупать их. Более того, исследование, проведенное в 2018 году, показало, что экологичность, вероятно, станет решающим фактором покупки одежды массового спроса к 2025 году.

Большинство предметов одежды изготавливается из хлопка, который требует интенсивного использования удобрений, инсектицидов и воды для орошения. Другие синтетические волокна, включая акрил, нейлон и полиэстер, пропитаны химическими веществами и не поддаются биологическому разложению. Окрашивание тканей также загрязняет реки и приводит к потере огромного количества воды.

Чтобы смягчить эти последствия, компании изучают альтернативные источники волокон и красителей.

Компания по производству биоматериалов Algiknit разработала разлагаемый, но долговечный биоаян из ламинарии, морской водоросли, встречающейся в природе в прибрежных водах, которая поглощает углекислый газ и может расти без каких-либо удобрений. Компания, которая недавно завершила начальный раунд финансирования в размере 2,2 млн долларов, создала прототип кроссовок, связанных из своей пряжи bioayag.

Калифорнийский стартап Bolt Threads использует биоинженерию, вдохновленную паутиной, для скручивания белков шелка в волокна. Modern Meadow, еще один стартап в этой области, использует принципы клеточной биологии для создания кожи, выращенной в лабораторных условиях без использования животных.

Сельскохозяйственные отходы также являются прибыльным источником новых волокон. MusoWorks сочетает кукурузную шелуху и опилки с мицелием, вегетативной тканью грибов, для получения кожи. А немецкая компания QMILK превращает кислое молоко в шелковистые волокна.

Аналогичным образом компания PrimaLoft, известная своим утеплителем из синтетической микрофибры, используемым в верхней одежде, изменила молекулярную структуру полиэстера, чтобы уменьшить загрязнение пластика. Компания добавила простой сахар к полиэфирному полимеру, превратив его в более привлекательный источник пищи для микробов и тем самым ускорив процесс биodeградации[7].

Когда дело доходит до минимизации загрязнения в процессе окрашивания тканей, бактерии могут сыграть ключевую роль. Пигменты, естественным образом выделяемые бактериями, могут быть использованы для окрашивания текстиля, о чем свидетельствуют результаты исследований Faber Futures в Великобритании и Kukka и TextileLab Amsterdam в Нидерландах.

Эти биотехнологические инновации не столь ресурсоемки, как обычные волокна или ткани. Они не требуют масла или удобрений, содержат меньше вредных химических веществ и практически не потребляют воду.

Но они все еще находятся на ранних стадиях, поэтому требуется больше финансирования для дальнейшей разработки и изучения того, как масштабировать эти инновации на промышленном уровне.

Помимо инноваций в производстве, индустрия моды также набирает обороты в мерчендайзинге. Модные компании меняют представление потребителей об одежде — от одноразовой к многоразовой.

Согласно инструменту оценки рынка CB Insights, к 2028 году объем вторичного рынка, по прогнозам, достигнет 64 миллиардов долларов. Движущей силой этого расширения является рынок вторичной продажи, который сам по себе за последние 3 года вырос в 21 раз быстрее, чем розничная торговля[4].

В секонд-хендах нет ничего нового, но стартапы помогают этим обычным вещам обрести другую жизнь в Интернете - и привлекают значительное финансирование. Например, ThredUp, который привлек более 125 миллионов долларов финансирования, является сайтом перепродажи поддержанной одежды.

Онлайн-площадка по перепродаже сумок класса люкс Rebag недавно привлекла раунд финансирования серии C в размере 25 миллионов долларов, в результате чего общий объем финансирования превысил 50 миллионов долларов. Vinted следует той же модели, но с дополнительным бонусом, позволяющим участникам обмениваться товарами.

RealReal, который, как сообщается, пройдет еще один раунд финансирования, чтобы увеличить свою стоимость до 1 миллиарда долларов, является консигнационным магазином поддержанной одежды класса люкс. Дизайнер Стелла Маккартни сотрудничает с компанией по перепродаже, предлагая пользователям, отправляющим ее товары, скидки на покупки.

Аренда одежды - более экологичная альтернатива покупке. Она делает акцент на доступе, а не на владении, и извлекает выгоду из экономики совместного использования, предоставляя потребителям экономичный способ носить дорогие дизайнерские вещи при максимальном сроке службы одежды.

Например, Rent the Runway предлагает широкий выбор дизайнерских платьев и другой одежды, которую можно взять напрокат за небольшую часть первоначальной стоимости. Компания по прокату одежды закрыла раунд финансирования в размере 125 миллионов долларов в марте, увеличив свою стоимость до 1 миллиарда долларов.

Стартап Armoire из Сиэтла занимается арендой шкафов для клиентов за ежемесячную плату. Armoire создает этот шкаф с использованием комбинации профессиональных стилистов

и алгоритмов машинного обучения, которые учитывают посадку, форму, размер и другие предпочтения пользователя в стиле. В 2018 году компания привлекла финансирование в размере 3 млн долларов[7].

Вместо того чтобы покупать новое платье каждый раз, когда возникает необходимость в мероприятии, пользователи *Designarex* могут арендовать платья у других пользователей платформы. Австралийский стартап, который стартует в США в 2019 году, получил название "Airbnb для платьев". Это экономит деньги покупателей и сокращает количество отходов одежды.

Еще один способ, которым бренды способствуют увеличению срока службы одежды и сокращению отходов, - это предлагать услуги по ремонту, чтобы побудить потребителей чаще носить свою одежду и продлить ее срок службы.

Лидер в области устойчивого развития, компания *Patagonia* по производству верхней одежды и снаряжения для активного отдыха разместила на своем веб-сайте руководства по ремонту и уходу и реализует программу утилизации и ремонта изношенной одежды.

Бренд женской одежды *Eileen Fisher* делает то же самое, выкупая одежду и перепродавая ее в рамках своей программы обновления. Одежда в хорошем состоянии стирается и чистится; те, что нуждаются в незначительном ремонте, сшиваются и чинятся; а те, что повреждены и не подлежат ремонту, переделываются во что-то новое - произведения искусства, подушки или гобелены.

Между тем, все большее число потребителей берут дело в свои руки с появлением ремонтных кафе — мест, куда люди могут приносить предметы для починки бесплатно, — и заметным движением за починку.

С помощью видимого ремонта люди превращают разрывы и изъяны в продуманные произведения искусства, используя красочные нитки, заплатки и узоры для сшивания. Голландский модный коллектив *Painted Series* проводит мастер-классы, где люди чинят порванную одежду золотой нитью.

Будучи одной из самых расточительных отраслей в мире, моде предстоит пройти долгий путь для достижения устойчивого развития. Но подчеркивание своего вклада в изменение климата на таких широко разрекламированных мероприятиях, как Неделя моды в Нью-Йорке, и работа с городами и организациями по внедрению экологически чистых методов восстановления - это шаги в правильном направлении.

Промышленность начинает закладывать основу для более чистого и менее расточительного будущего, внедряя циклические бизнес-модели, используя натуральный текстиль и инвестируя в методы регенеративного ведения сельского хозяйства, но эти разработки необходимо совершенствовать и масштабировать.

Ведущие бренды, мелкие розничные торговцы и поставщики должны работать сообща, чтобы повысить осведомленность об отходах в отрасли, продолжать выявлять новые экологически чистые источники и создавать удобные способы для потребителей максимально эффективно использовать свою одежду.

Список литературы

1. Ташпулатов С.Ш. Разработка механизмов формообразования оболочек деталей одежды // Журнал «Проблемы текстиля», №4, 2020г.
2. Ташпулатов С.Ш., Мавлянов Т.М. Моделирование процесса деформирования пакета деталей одежды под воздействием рабочих органов оборудования РНТК «Современные проблемы механики в комплексе железнодорожного транспорта», ТИИЖТ, 2020.
3. Ташпулатов С.Ш., Джурев А.Д. Анализ колебаний формообразующей пластины прессового оборудования // Кострома, Студенты и молодые ученые КГТУ – производству-2020.
4. Ташпулатов С.Ш., Джурев А.Д. Усовершенствование процесса формообразования на прессовом оборудовании при ВТО швейных изделий Международная научно-техническая конференция «Современные проблемы и перспективы механики», Инст.механ., 2020г.
5. Ташпулатов С.Ш. Новое оборудование для ресурсосберегающей технологии изготовления изделий // Кострома, Студенты и молодые ученые КГТУ – производству-2020.
6. Ташпулатов С.Ш., Рафиков А.С. Новая конструкция установки для нанесения композиционных средств на полуфабрикат деталей одежды // МНТК «Современные проблемы свободной экономической зоны, науки, производства и подготовки кадров в легкой и текстильной промышленности», ТарГУ, г.Тараз. Казахстан, 2020

7. Ташпулатов С.Ш. *Высокоэффективные ресурсосберегающие технологии изготовления швейных изделий и направления дальнейшего их развития* // МНТК «Современные проблемы свободной экономической зоны, науки, производства и подготовки кадров в легкой и текстильной промышленности», ТарГУ, г.Тараз. Казахстан, 2020

8. Патент-свидетельство № по заявке DGU 20060048. Ресурсосберегающая технология изготовления одежды. Ташпулатов С.Ш.

9. Патент-свидетельство № по заявке DGU 20060105. Методика расчета напряженно-деформированного состояния оболочек цельновыкроенных деталей по ресурсосберегающей технологии изготовления одежды. Ташпулатов С.Ш., Эргашов М.Э.

<https://sconferences.com>
info@sconferences.com

ISBN

9 789165 423220